

Андрей Савельев

ОПЫТЫ РУССКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ **Бюрократия против нации**

Электронная версия

Цена: 50 р.

Покупка у автора: savliy@gmail.com

Ознакомительный фрагмент

В книге автор рассказывает о событиях второй половины 2000-х годов, отражающих борьбу русского народа с геноцидом со стороны захватившей власть группировки, а также со стороны этнокриминальных кланов и групп. Автор опирается на конкретные факты и документы, сохраняет для будущих следователей имена воинствующих русофобов и политической челяди, обслуживающей интересы олигархии.

Содержание

[Предисловие](#)

[Часть 1. Русское сопротивление](#)

[Настоящий экстремизм](#)

[Кондопога – рождение нации](#)

[Антифашизм душевнобольной власти](#)

[Ксенофобия власти и Русский марш](#)

[Русские офицеры – ритуальная жертва](#)

[Охота на русских](#)

[Защита русских издателей](#)

[Маргиналия в русском движении](#)

[Постманежный синдром](#)

[Часть 2. Кривозащитники](#)

[Брод и его сброд](#)

[Прошка с Петрушкой написали донос](#)

[Теневой кардинал еврасизма](#)

[Линялые либералы](#)

[Нравы телевидения](#)

[Русофобский гевалт](#)

[Журналюги](#)

[А было ли нацистское подполье?](#)

[Заключение](#)

Предисловие ко второму изданию

В книге с момента ее выхода в 2011 году не появилось никаких добавлений. В ней отражена часть истории борьбы русского народа со своими поработителями - шайкой воров, захватившей власть, и обслуживающими ее полициями. Обстоятельства 2000-х годов теперь начинают забываться, и мертвая тишина, охватившая Россию, кажется как будто уже вечной. В действительности, силы, которые то и дело взламывали заговор молчания вокруг "русского вопроса", никуда не исчезли. Они только ожидают того исторического момента, когда образ будущего будет привлекать людей больше, чем мести своим обидчикам.

Автор, 2017

Предисловие к первому изданию

Ощущение войны без ее видимых и характерных признаков – вот общее переживание сегодняшнего дня. Против нас ведется война, наш народ вымирает, мы не имеем представления о том, как будем жить даже через год-два. Мы знаем, что каждый из нас завтра может быть искалечен или убит или лишиться средств к существованию, или быть выброшенным из собственного дома на улицу. Война идет, но где вести с войны? Кто воюет, кто на передовой?

Мне довелось быть на передовой в период депутатства в Думе в течение 2004-2007. Но и в дальнейшем судьба то и дело выносила на передний край. Там многое видится не так, как из окопчика где-то на отшибе или в тылу, куда вести с фронта доходят изредка и в искаженном виде.

Эту книгу можно было бы так и назвать: «Вести с фронта». Здесь – лишь малая часть боевых эпизодов той войны, которую мы ведем и которая ведется против нас «иными средствами» - то есть, не столько оружием, сколько пропагандой, ложью, полицейщиной. Здесь – о том, как агрессор наносит удары по тем, кто еще способен защищать Отечество. И о том, как слабое еще русское сопротивление отбивается, иногда переходя в контратаку. Но в целом все еще откатывается и откатывается назад. Уже не драпает, но еще и не готово к стратегическому наступлению. Потому что между штабами и фронтами почти нет коммуникаций, да и сам фронт – рыхлый, непрочный, сопротивление не упорное, очаговое.

Другие участки невидимого фронта описаны мной в книгах «Осколки эпохи Путина» и «Родина против бесов», а также в ежегодных докладах «Русофобия в России». Будут и другие. Все это – записки «включенного наблюдателя». Не переписанные и откомментированные сводки из газет, а лично пережитые боевые эпизоды. Они – как сводки фронтового информбюро, собранные воедино для тех, кто о них слышал только в пересказах. По этим сводкам можно учиться политическому делу и узнавать методы врага. В данном случае речь идет о противостоянии русского общества, с одной стороны, и власти и «кривозащитников» - с другой стороны. А также о состоянии русского общественно-политического движения.

Для тех, кто хочет превратить нас в рабов, все мы – экстремисты. Теперь сочетание «русские фашисты» уже не используют, потому что вняли: это оскорбление всего русского народа. Но все-таки «экстремисты» - это все русские. Они выбивают из наших рядов наиболее активных или уязвимых, а извести хотят всех до одного.

Мы можем назвать наших врагов, например «фрицы» или «гансы» - как наши деды во время войны называли гитлеровских солдат. Но это будет как-то уж слишком мягко. И не соответствует эпохе. Больше подходит «русофобы». Хотя «фобия» - явление естественное, но в России фобия по отношению к русским, да еще агрессивная и тираническая, - это аномалия.

Форма, в которую влита русофобия, - это бюрократия. Не управленческий аппарат государства, а именно бюрократия – власть столоначальников. Которая является прямой

альтернативой народной власти. Народная власть, народность могут быть и в форме монархии, и в форме национальной диктатуры, и в форме русской демократии. Но все это противно нынешней русофобской и либеральной бюрократии, которая обслуживает олигархию – слой разбойников, захвативших наше национальное достояние и теперь склоняющая нас к «толерантности». Олигархия плюс бюрократия. И еще беспочвенная интеллигенция или уж прямо образованщина, скопившаяся в СМИ и эстрадных группировках, в системе образования и на госслужбе. Они порождают и насаждают русофобию. И у нас нет иного выбора: или они нас, или мы их.

Нам с ними не договориться, нам от них не откупиться. Они пришли, чтобы взять все – наши богатства, наши души, наших детей. Они остановятся, только когда на месте России будет пустыня. Наша задача – остановить их гораздо раньше.

Автор, 2011

[К содержанию](#)

Часть 1. Русское сопротивление

Настоящий экстремизм

Выступая в Государственной Думе 15 ноября 2006 года на «правительственном часе», посвященном «борьбе с преступлениями, связанными с проявлениями экстремизма, преступлениями на национальной почве», министр внутренних дел Р.Нургалиев заявил о реальной возможности «ликвидировать экстремизм», несмотря на то, что «объективными причинами» его распространения в нашей стране «явились затянувшаяся смена идеологических ориентиров, непростые межнациональные отношения и криминализация общества, а также небывалое ранее расслоение населения по доходам».

Вместе с тем, министр отметил, что

«за последние пятнадцать лет число преступлений, совершённых иностранными гражданами, возросло в сто тридцать раз. Только в этом году уже зарегистрировано более сорока шести тысяч преступлений, совершённых иностранными гражданами. При этом количество преступлений в отношении самих иностранцев, совершённых гражданами России, увеличилось незначительно и составило всего 13,3 процента - это почти в четыре раза ниже криминальной активности иностранных граждан».

Нургалиев также сообщил, что

«под профилактическим контролем милиции находятся около ста пятидесяти молодёжных группировок экстремистской направленности общей численностью до десяти тысяч человек - от футбольных фанатов до хорошо организованных структурированных формирований ультралевой направленности, имеющих идеологические секторы, информационные группы и боевые отряды. Восемь из них представляют реальную угрозу для общественной безопасности».

Получилась непреодолимая для милиции ситуация. Ведь надо завозить в страну как моно больше рабов. Ибо без них олигархия не проживет – на нее «пахать» граждане не хотят. С другой стороны, вместе с иностранцами в страну завозится и этническая преступность. Против нее начинают действовать некие «экстремисты». И вот, милиции уже надо работать на два фронта. Вместо того чтобы вышвырнуть из страны олигархию и отправить восвояси незваных гастарбайтеров, нам, русским людям, приходится превращаться в жертв этнобандитов, милицейского произвола, да еще отвечать перед властью как пособники «экстремистов».

Поскольку основанием заявлений министра об экстремистах не могли не быть серьезные и всесторонние аналитические и научные исследования, я депутатским обращением попросил его направить мне

материалы по анализу распространения и проявления в Российской Федерации экстремизма;

список молодежных группировок экстремистской направленности, которые находятся под контролем МВД с данными по численности, составу, региону деятельности и иными сведениями;

список молодежных группировок, которые представляют реальную угрозу для общественной безопасности, с данными по численности, составу, региону деятельности и иными сведениями, а также

материалы, подтверждающие, что

в Российской Федерации «быстро растет экстремистская преступность, замешанная на национальной нетерпимости»,

«в среднем до 80 процентов участников» организаций, относимых МВД к экстремистским, «составляют лица в возрасте до тридцати лет»,

«значительная часть этой молодежи заражена, и опасно, вирусом фашизма, национализма, ксенофобии и расизма»,

в ходе проведения «Русского марша» экстремисты «пытались спровоцировать столкновения молодежных группировок и тем самым дестабилизировать обстановку в ряде городов»,

организаторы «Русского марша» имели целью «устроить погромы и избиение людей, имеющих нероссийское происхождение»,

указанная выше «идея» «вызвала резкое осуждение населения».

Большинство вопросов остались без ответа. Почему? Потому что сведения о результатах оперативно-розыскной деятельности составляют государственную тайну. Но почему такие сведения не были предоставлены Депутату Государственной Думы? Ответ лежит на поверхности: во-первых, оснований для оглашенных выводов у Нургалиева не было; во-вторых, эти люди не владеют русским языком и применяют термины по произволу.

Руководство МВД подтвердило, что в России действует более 150 неформальных молодежных объединений экстремистской направленности общей численностью около 10 тыс. человек. Наибольшее количество таких группировок выявлено в Москве, Санкт-Петербурге, Воронежской, Ленинградской, Кировской, Тульской, Новгородской, Орловской и Тверской областях. Почти половину из них (47%) составляют спортивные фанаты, 34% причисляют себя к движению «скинхеды», 3% - рэперам, 2% - сатанистам. Участниками этих организаций ежегодно совершается около 1,5 тыс. административных правонарушений и 450-500 уголовных преступлений.

Сравним: в докладе Московского бюро по правам человека утверждается, что в России действует 141 молодежная экстремистская группировка, а общая численность охваченных экстремистской деятельностью молодых людей составляет около полумиллиона. С учетом того, что наибольшая экстремистская активность приписывается возрастной группе 15-17 лет, содержащаяся в «докладе» информация предполагает, что данная возрастная группа почти сплошь состоит из экстремистов. Подобное утверждение создает неблагоприятные условия, в которых деятельность правоохранительных и государственных органов ориентируется на пристрастное отношение к молодежи, и опасность распространения подозрительности и применения репрессивных действий против любых молодежных групп. Тем не менее, именно МБПЧ в 2006 году и позднее становится идеологическим руководителем министра Нургалиева, а также органов прокуратуры. Тем самым, вся русская молодежь была приписана к экстремистским

организациям, которые оставалось только выявлять и пресекать. Любую деятельность молодежи считать экстремистской – вот установка МБПЧ, взятая на вооружение МВД.

В МВД под покровом тайны граждан заносили в «черные списки», а созданные ими общественные структуры без всяких законных оснований тайно определяли как экстремистские. В порядке коллективной ответственности уголовные преступления, скорее всего не имеющие никакого отношения к организациям, ставящим перед собой политические цели, практически весь актив русского движения был учтен в МВД как экстремистский. То же самое сделали так называемые «правозащитники».

В выступлении Нургалиева инициатива «побоищ футбольных фанатов», которые были предотвращены МВД, приписана неким «идеологам экстремизма». Именно поэтому в буйство футболистов проводится по разделу политики. Мелкое хулиганство возбужденной зрелищем молодежи становится результатом работы политических активистов. Что, конечно, есть ложь. Никаких доводов в пользу законности такого оборота мысли руководителя МВД привести не смогли.

В отдельную экстремистскую группу МВД включило субкультурное течение молодежи, известное как «скинхеды». Именно этому движению приписана наибольшая экстремистская активность. МВД сообщило, что скинхедами совершается почти две трети всех уголовных преступлений и около 40% административных правонарушений. На спортивных фанатов - только 30% уголовных преступлений и около 50% административных правонарушений. При чем здесь экстремизм? Не причем. Просто от правящих «верхов» поступило задание, и МВД его выполнило. Надо было представить политические действия оппозиции как часть криминалитета. Поэтому сюда подверстали и «группы риска» - скинхедов и фанатов – чьи преступления были формально объединены с протестами оппозиции.

Вождем российской милиции не пришло в голову, что категории «скинхеды» в российском праве не существует, а значит, данная категория не может иметь хождения в официальных документах. Тем более, этот термин как самоназвание ни для кого не может означать своеобразной «явки с повинной» или заведомого определения как общественно-опасного явления. Формально признавая, что многие понятия расплывчаты и неясны, руководители МВД продолжили свое дело, определяя сначала принадлежность к «скинхедам» как экстремизм, затем применяя меры противодействия экстремизму и «высасывая» экстремизм из бытового криминала. «Скинхеды» оказывались группой риска, образованной самим МВД, его пристальным вниманием не столько к совершенным поступкам, сколько к мнению власти на счет «ужасных бритоголовых».

МВД отчиталось убийством за убийство. В Санкт-Петербурге была обезврежена экстремистское объединение «Мэд Крауд», на счету которой более 10 тяжких и особо тяжких преступлений, в т.ч. убийство сенегальского студента в апреле 2006 г. В ответ работники МВД при задержании совершили убийство лидера группы Дмитрия Боровикова, хотя он в принципе не мог оказать сопротивление вооруженной группе захвата. «Мэд Крауд» также «прописали» как экстремистскую, присовокупив ее деяния к любой политической оппозиции, а убийство Боровикова продемонстрировав как возможное (и даже в чем-то желательное) последствие для всех, кто хоть в чем-то сопротивляется власти.

Подобно шефу МВД, в духе свободной игры терминами высказался и шеф ФСБ Н.Патрушев. Сообщая о пресечении деятельности группы «Мэд Крауд», он квалифицировал ее как «националистическую группу профашистского толка». Вероятно, не понимая, что же значит «профашистского толка». При этой характеристике присутствовал только один мотив: как-то оправдать в глазах общества убийство лидера группы. Раз «фашист», то можно и убить. Или: достаточно определить, что это «фашист», тогда можно и убить.

Мало фактически введенного права на убийство того, кого объявят экстремистом с какой-нибудь трибуны или в милицейской ориентировке. Нургалиев прямо заявил, что

необходимо законодательно переквалифицировать деяния, названные «экстремистскими проявлениями», на более высокую степень тяжести и повысить верхние пределы уголовной ответственности, перевести отдельные составы преступлений экстремистского характера из категории средней тяжести в категорию тяжких. Потому что закон «Об оперативно-розыскной деятельности» допускает проведение полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий лишь в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений. Этот барьер мешал МВД в полной мере обрушить на людей полицейские репрессии, ограничивал «возможность проведения полного комплекса оперативно-розыскных мероприятий, необходимого для получения доказательств причастности отдельных граждан к экстремистской деятельности».

Ради получения новых репрессивных полномочий Нургалиев нагонял страху:

«от уголовной ответственности сегодня уходят лица, вовлекающие молодёжь в совершение преступлений экстремистской направленности», «малозначительность административного наказания приводит сегодня только к росту агрессии со стороны представителей экстремистских организаций», «процесс распространения экстремистских и многих других противоправных и общественно опасных проявлений во многом связан и с масштабами коррупции в стране», что было названо Вами «безусловным».

В выступлении Нургалиева неоднократно в одном ряду и в одном негативном контексте упоминались такие идеологические категории, как «национализм», «фашизм», «религиозный экстремизм» и «религиозный радикализм», в отношении идей которых, как само собой разумеющееся, формулировалась задача «поставить надёжный заслон бесконтрольному тиражированию». Что подразумевалось под этими идеями, кто и где их выразил? Руководство МВД привело только один пример – июньскую 2006 года конференцию «Будущее белого мира», в которой приняли участие иностранцы, которых в МВД определили как «радикалы». Саму же конференцию характеризовали как «расистскую». Мало того, что доказательств странных характеристик и умозаключений у МВД не нашлось, пугливым милиционерам не дано было понять, что большинство криминальных элементов просто не в состоянии осмыслить то, что говорилось на конференции, а о самой конференции известно лишь крайне узкому кругу лиц – в основном тайным и явным наблюдателям из правоохранительных служб и самим участникам конференции. Я, например, знал об этой конференции только то, что она состоялась.

Редкую интеллектуальную недостаточность руководство МВД проявило, когда отписало мне, что по его мнению, тезис о том, что необходимо поставить «надёжный заслон бесконтрольному тиражированию» идей национализма, фашизма, религиозного экстремизма и т.п. не нуждается в дополнительном обосновании, в том числе со ссылкой на труды философов, мыслителей и публицистов. У этих людей явно слабо с логикой и иронией. Ведь из этого тезиса следует, что «заслон» они хотят поставить только бесконтрольному тиражированию. А контролируемое тиражирование, получается, вполне приемлемо!

Не понимая значения указанных терминов, они свалили их в кучу и объявили вполне официально, что «общим между ними является идея превосходства одной нации (расы, религии) над другой». Невежество высшего руководства МВД не может не поражать. Тем более что в обоснование своей фантазии они прописали, что стремление реализовать эту идею на практике «в любом правовом государстве рассматривается как покушение на основополагающие права человека, интересы государства и общества». А то мы не знаем о статусе негров в США до 60-х годов! А то мы не знаем, в каком статусе в России русский народ! Эти же недоумки нас еще будут учить тому, что всякие «идеи» для России уже потому особенно опасны, что она является «многонациональным и

многоконфессиональным государством». Ну не является она ни тем, ни другим! И не была ни тем, ни другим никогда!

Это утверждение, получившее хождение не только в МВД, но и в СМИ, прямо идет в разрез с положением Конституции РФ, где речь идет о «многонациональном народе» и о «свободе совести». В преамбуле Конституции РФ имеются слова об «исторически сложившемся государственном единстве», «равноправии народов», но вовсе не о пресловутой многонациональности, которую сплошь и рядом относят к стране и даже государству. В Российской Федерации более 90% верующих являются православными, около 80% определяют себя как русские. То, что наш народ (население России) состоит из многих национальностей, и в нем много конфессий, понятно всем. Но множественность состава народа вовсе не создает «лица» страны и государства. Поэтому «теоретикам» из МВД РФ необходимо было бы читать современную литературу, чтобы не способствовать противоправным деяниям своих сотрудников и не городить нелепостей, очевидных для просвещенных специалистов.

Согласно имеющимся в 2006 году прогнозам ФСБ на 2007-2008 гг. наибольшую активность должен был приобрести политический экстремизм, инспирируемый, направляемый и обеспеченный финансовой подпиткой из-за рубежа. Этот прогноз был полностью лживым и не соответствовал ни обстановке в стране, ни оперативным данным. И не оправдался. Но в 2008 году противодействием экстремизму в милиции занялись подразделения, направленные на борьбу против организованной преступности. Нургалиев тем самым приравнял общественные структуры русских организаций к криминальным бандформированиям.

В отличие от МВД, где тайно собирали досье на полторы сотни общественных объединений, в ФСБ учитывали лишь около двух десятков общественных объединений, допускающих, а иногда и пропагандирующих экстремистские проявления. К таким организациям были отнесены Революционный коммунистический союз молодежи (большевиков), Новая революционная альтернатива, Революционный военный совет РСФСР, Авангард красной молодежи, РНЕ.

Кроме давно уже распавшейся РНЕ, все остальные организации практически никому не известны и серьезной силы явно не представляли. Тем более, что ФСБ прямо опровергала себя, относя к экстремистским организациям футбольных фанатов (45-50 тыс. человек); исламские организации-«джаммааты», а также Чеченское движение за отделение, Кавказское общество Германии и др., получающие поддержку экстремистской и террористической деятельности через частные фонды; нетрадиционные религиозные группировки (такие как Церковь Муна, мормоны, Свидетели Иеговы, Международное общество Сознания Кришны). Все эти организации, как считали эксперты ФСБ, «накрывают» своим влиянием около 5 млн человек. Что касается перечисленных выше организаций, то полный состав их активистов, как их ни оценивай, вряд ли превышает 2-3 тыс. При этом основные усилия ФСБ были направлены не на борьбу с реальным экстремизмом, а на слежку за организаторами акций русских организаций, создание параллельных раскольничьих структур, охоту за лидерами оппозиции, внедрение провокаторов и т.д.

В 2007 ФСБ отчитывалось о размахе террористической деятельности в 2006 году тем, что было сделано в Чечне: обезврежено 17 баз и 186 схронов боевиков, изъято около тысячи единиц стрелкового оружия, около 200 гранатометов, более 700 мин, 800 гранат, 150 взрывных устройств, почти 3 тонны ВВ. Даже если предположить, что политические группировки минимально вооружены, то их арсенал многократно меньше, чем то, что имеют на вооружении чеченские бандиты. По-крайней мере, о том, чтобы подобные арсеналы изымались бы в каких-то русских политических организаций, не сообщалось.

Выходит, ФСБ дезинформировало руководство страны. Никакого политического экстремизма в России просто не было. Была деятельность чеченских банд и сеть организаций религиозных фанатиков. Футбольные фанаты – источник не экстремизма, а

хулиганства. Причем инспирированного самой властью, допускающей деструктивные формы зрелищ. Причисление к террористическим и хулиганским сообществам политических организаций, предпочитающих действовать публично и претендующих на реализацию своих идей на выборах, - верх недобросовестности и непрофессионализма. Ведь в результате такой неоправданной классификации деятельность спецслужб переориентируется с целей государственных на антигосударственные, с подавления преступности на подавление законной политической активности.

Касаясь «сферы межнациональных отношений», директор ФСБ Н.Патрушев заявил, что большая часть происшествий в ней «носят криминально-бытовой характер». Но вместе с тем, «очень энергично, даже агрессивно действуют силы националистической, радикальной направленности. Их мотивы понятны: подобные инциденты используются в борьбе за голоса избирателей, для дискредитации соперников и компрометации действующих органов власти». Оговорка про голоса избирателей прямо указывает на втягивание ФСБ в несвойственную для этой службы деятельность – в организацию тайного политического сыска в целях подавления политической активности граждан. В 2008 году Патрушев был отправлен на политическую пенсию, но от этого работа ФСБ не изменилась, сохраняя русофобскую направленность.

Правоохранительная система в России из фактора, стабилизирующего общественную жизнь, превратилась в фактор дестабилизации. Нелепые, непрофессиональные, явно неадекватные действия происходят всюду по стране. Они во многом напоминают обстановку после февральской революции 1917 года, известную по публицистике того периода. Последствия неадекватности хорошо известны – превращение правоохранителей из вершителей судеб в жертвы.

Уголовная статья «о возбуждении» изначально была направлена против русского человека, который не в состоянии равнодушно взирать на разрушение русского государства, русской традиционной морали, не в силах переносить глумление над русской историей и смиряться с издевательствами над русскими людьми.

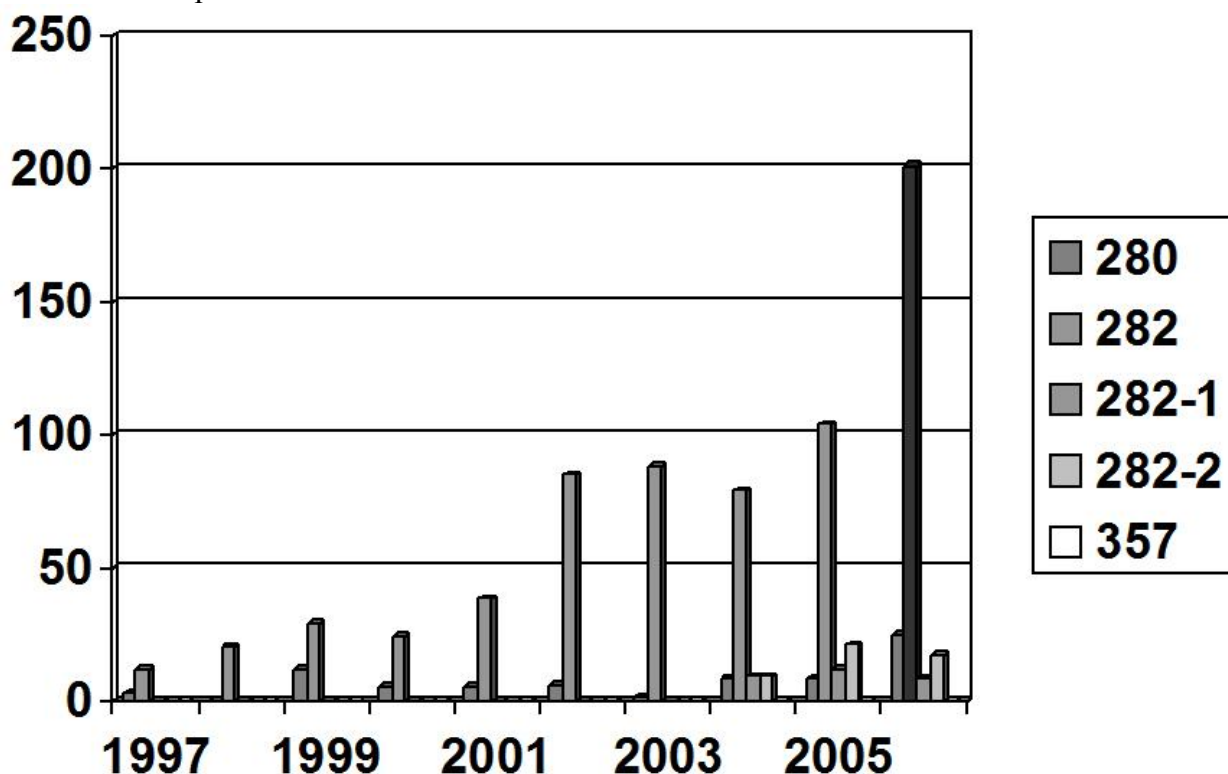
Наиболее жестоко в русских провоцируется «возбуждение» при повсеместной и поддержанной властями агрессии инородцев. События в Сальске и Сыктывкаре в 2006 году – тому яркое подтверждение. Бесчинства этнических банд под покровительством местных чиновников, не будучи пресеченными, в последующие годы распространились по всей стране. Ранее самая чудовищная агрессия против русских состоялась в Чечне, где в порядке самой настоящей расовой вражды было уничтожено до 50 тыс. русских людей и изгнано до 350 тыс. Никакого «возбуждения» в этих преступлениях власть не увидела. Она обнаружила «возбуждение» в естественной реакции русских на геноцид. По этой причине «чеченизация» России в целом – реальность, сложившаяся к концу 2000-х годов. Прямая вина за это лежит на руководителях государства и правоохранительных органов, которые вместо подавления этнобандитизма боролись с русским народом.

Власть озлобляет нас циничными надругательствами над русским духом, происходящими под прикрытием принципа «свободы слова». На самом деле мы имеем дело со свободой сквернословия. СМИ не преследуются за то, что уже стало общим правилом и фоном жизни – беспредельное бесстыдство и осквернение всего русского. Зато преследованию со стороны власти подвергается естественная ответная реакция русских, чье достоинство унижается столь системно и повсеместно.

Уголовное преследование русских для нынешней власти является проявлением ее сущности – она никак не связана с интересами народа и отражает только стремление местных олигархов в мировую олигархическую элиту. Достижение этой цели возможно, только если народ превратить в сброд, в серую массу без рода и племени, без чести и совести, без ценностей и солидарности. Мы, русские, конечно же, не смиремся с этим подлым замыслом. Поэтому уголовное «возбуждение» для нас, с одной стороны, является расплатой за то, что мы отдали свое государство негодяям, а с другой – формой русской самоидентификации. Настоящий русский не может не вызывать «возбуждения» как со

стороны инородческого экстремизма, так и со стороны самой власти. Мы же, со своей стороны, не можем не считать эту власть чужой, антирусской.

2006 год стал переломным. Власть перешла к прямым репрессиям, задействовав «русскую» статью и развернув фантастическую пропагандистскую активность в борьбе с мнимыми экстремистами.

Количество преступлений, уголовные дела о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в течение года (данные МВД).

Ст. 280 УК – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности

Ст. 282 УК – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения

человеческого достоинства

Ст. 282-1 УК - организация экстремистских сообществ

Ст. 282-2 УК - организация деятельности экстремистских организаций

Ст. 375 УК – геноцид (в 1997-2006 не зарегистрировано ни одного преступления)

Всего по составам преступлений, связанных с экстремизмом, в течение 2006 года находилось в производстве 50 дел, по фактам «возбуждения» - 201 дело. Сравним это уже немалое число с другими данными – о наиболее опасных преступлениях.

В 2006 году в Российской Федерации совершено преступлений (в тыс.)

Убийство и покушение на убийство	27,5
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	51,4
Изнасилование и покушение на изнасилование	8,9
Разбой	59,8
Грабеж	357,3
Кража	1677,0
Вымогательство	14,7
Мошенничество	225,3
Хулиганство	28,6
Взяточничество	11,1

Кроме того, в 2006 году зарегистрировано 432 факта бандитизма, 112 фактов терроризма, 1,0 тыс. фактов похищения человека, а также 14,3 тыс. фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего (18,3 тыс.) и 15,8 тыс. фактов нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности смерть человека, двух или более лиц (15,7 тыс.). Число зарегистрированных в 2006г. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составило 212,0 тыс., из них тяжкие и особо тяжкие - 152,8 тыс. 10,8 тыс. преступлений совершены в состоянии наркотического опьянения (Данные ГКС).

В 2004 г., по данным экспертов, в РФ умерли 70 тыс. граждан, употреблявших наркотики, в 2005 г. - почти 100 тыс. человек. В среднем в результате убийств в стране погибает около 30 тыс. человек в год, в результате ДТП - 35 тыс.

Согласно аналитической справке Верховного Суда РФ за 7 календарных лет (2000-2006 гг.) по ст. 280 УК РФ было осуждено лишь 23 лица, по ст. 282 - 92 лица, по ст. 282.1 - 10 лиц, по ст. 282.2 - 33 лица, по ст. 214 (вандализм) - 806 лиц, по ст. 243 - 59 лиц, по ст. 244 (надругательство над местами захоронений) - 706 лиц. На фоне тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых ежегодно в десятках тысяч случаев, и более чем миллиона граждан РФ, находящихся в заключении по приговорам судов, данные об «экстремистских преступлениях» смехотворны. При этом 78,5% из них являются, в сущности, квалифицированными видами хулиганства, и вряд ли могут служить доказательством того, что «преступления экстремисткой направленности представляют серьезную угрозу не только общественной безопасности, но и территориальной целостности Российской Федерации», как это утверждается в полученной мной справке Верховного Суда.

Таким образом, экстремизм (даже если верить в чистоту помыслов работников МВД) оказывается ничтожной частью преступности в Российской Федерации. Размах дискуссий на эту тему в СМИ, а также внимание, уделяемое проблеме экстремизма в выступлениях высших должностных лиц государства, не соответствовали социальной значимости данного типа преступности и были связаны с попытками представить законную политическую и общественную деятельность в качестве экстремистской. Не случайно для граждан тревоги об экстремизме по всем соцопросам были исключительно на последнем месте. Ни статистика, ни ощущение граждан не давали никаких поводов для истерии, которую разыгрывали руководители МВД, ФСБ, Верховного Суда, депутаты «партии власти», «правозащитники» и прочая челядь олигархического режима.

Позиция ВС РФ не может не удручать. В указанной выше справке в «экстремизм» включается субъективная сторона преступлений этого «вида»: «идеологическая подоплека», «взгляды», «идеи» и «убеждения» субъекта преступления. Утверждается, что «экстремизм предполагает приверженность к крайним взглядам и действиям в политике и идеологии, в том числе и насильственным». «Экстремистской деятельностью», подлежащей уголовному преследованию, в «справке» названы не только действия отдельного физического лица, но и «деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций».

Из справки следует, что действующим уголовным правом не установлено понятие «экстремистская деятельность» и «экстремизм», но вместе с тем установлена административная и уголовная ответственность за экстремизм и экстремистскую деятельность. В связи с чем не закон, а суды решают, какое действие является «экстремизмом» и «экстремистской деятельностью».

Позиция Верховного Суда означает, что действующие статьи уголовного права, описывающие конкретные составы преступлений, сформулированы таким образом, что предполагают наказание не за нарушение запрета, содержащегося в ст. 29 Конституции РФ, относящейся лишь к пропаганде социального, расового, национального, религиозного

или языкового превосходства, а за «пропаганду экстремизма», то есть, любого радикализма.

Дополнительным фактором, усугубляющим преступления власти в области систематического нарушения конституционных норм, стало возникновение антиэкстремистского законодательства. В июне 2006 года был принят закон «О противодействии экстремистской деятельности», фактически образовавший вмененный всему русскому движению состав преступления. Этим законом, соединившим под одной вывеской самые разнородные виды преступлений (и даже то, что преступлением не является), состоялось рождение новой отрасли права – открыто репрессивного законодательства, не обусловленного принципом законности и противоречащего Конституции. Придуман и введен в правовую систему новый вид преступной деятельности – экстремистская деятельность. Под политологический, а потом просто ругательный термин подведены самые разнообразные преступления, включая терроризм, возбуждение межнациональной и межрелигиозной розни.

Так многие виды политической деятельности подпали под понятие «экстремизм», который теперь означает не некие взгляды, а родовую принадлежность к преступлениям, где в самом мягком варианте правоприменения преследованию подлежит изложение политических идей, а в самом жестком – преследуется терроризм. Получается, что политика, использующая слова «русский», «нация» и другие, принадлежащие русскому философскому дискурсу и русской политической среде, объявляется в едином ряду с терроризмом и прочими насильственными преступлениями. Если в прошлом подобное имело место в некоторых странах в отношении коммунистических взглядов, то теперь в России возникло явление того же рода, но с особым изощрением: антиэкстремистский закон поставил вне закона основы русской политической культуры. Русскому в России под страхом репрессий запрещено быть в политике!

Оглашенная вслух мысль, высказанное слово стали актом экстремизма, позволяя власти предпринимать против оппозиционных политиков самые жесткие меры, в том числе и снятие без суда с выборов целых избирательных списков. Буквально за одно слово одного из участников списка можно снять с выборов целую политическую партию! Бюрократия под благовидным предлогом создала еще один барьер для участия граждан в политике. Причем этот барьер выставлен именно против русского движения.

Экстремистской деятельностью считается деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо редакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на осуществление террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма. Под публичное оправдание терроризма можно подвести любую фразу. Причем речь идет о внесудебном установлении смысла фразы. Разумеется, чиновникам при этом не надо будет утруждать себя логикой. Из абсурда легко вывести все, что угодно. В том числе и политические репрессии, которые выбивают из политики активистов русских организаций.

В этом законе установлено внесудебное определение того, что такое экстремизм. Определять, квалифицировать деяния будут прокуроры, чиновники Минюста и чиновники федерального агентства по контролю за средствами массовой информации. При необыкновенной лёгкости в мыслях, которая очень часто встречается у чиновников этих ведомств, разгром любой оппозиционной организации становится одноактным фарсом.

Бюрократия недвусмысленно продемонстрировала, что народ имеет только одно право: взять бюллетень и проголосовать так, как укажут. Это единственное право, которое было оставлено избирателям на парламентских выборах 2007 года и на президентских выборах 2008 года. Последующие годы довели ситуацию до логического конца: народ на выборы мог не ходить, ибо результаты выборов определялись не его волей. Политическая система существовала без народа.

С принятием этого постыдного закона милиции позволено было разгонять «несанкционированные митинги» уже не просто потому, что местная власть вопреки закону присвоила себе полномочие решать, что «санкционировать», а что нет. Теперь разгон осуществлялся под лозунгом борьбы с экстремизмом. Митинг, которому власть не определила места его проведения и не выполнила нормы закона по удовлетворению заявки, теперь считался «экстремистской деятельностью». В законе была предусмотрена специальная статья «Недопущение осуществления экстремистской деятельности при проведении массовых акций».

С правовой точки зрения, закон абсурден, в суде он может быть использован либо при крайнем бесстыдстве судьи (что в России стало почти нормой), либо при полной правовой безграмотности участников процесса. Но закон в данном случае - политический документ, инструкция для чиновника, инструкция для правоохранительных органов, направленных теперь не столько на борьбу с преступностью, сколько на политическую оппозицию.

Откуда взялся этот бред про экстремизм? Кто был инициатором охоты на ведьм под предлогом противодействия экстремизму?

В октябре 2006 года президент Путин инструктировал прокремлевские партии, нацеливая их на борьбу с экстремизмом:

Экстремизм, как известно, многолик. И его проявления – от хулиганских действий до актов вандализма и насилия – опираются, как правило, на системные идеологические воззрения. В их основе – ксенофобия, национальная и религиозная нетерпимость. Мы с вами хорошо знаем, что любой экстремизм крайне опасен.

Особенно тревожит, что материалы, пропагандирующие ненависть и рознь, сегодня легкодоступны. Их легко можно обнаружить на прилавках книжных магазинов, и не только книжных, я уже не говорю про доступность в Интернете. И пользуется и читает эти материалы в основном молодежь. (...)

Вы знаете, что действующее избирательное законодательство содержит серьезные правовые барьеры, позволяющие пресекать участие в выборах экстремистских объединений. Этому способствует и обновленное законодательство о политических партиях, предусматривающее их идеологическую и финансовую прозрачность. И хотел бы поблагодарить действующих депутатов Государственной Думы за то, что законодательные акты были приняты. Считаю, что это своевременное и правильно было сделано.

Однако известно и то, что в период выборов идет вполне естественная борьба за голоса избирателей. При этом замечу, что одновременно возникает опасность перейти ту хрупкую грань, за которой острая постановка проблем может перерасти в экстремизм. Мы с вами знаем такие примеры. Поэтому ответственность партий за сохранение общественной стабильности в период выборов возрастает многократно.

Все, кто проповедует расовую, национальную или религиозную вражду, должны знать, что их взглядам будет дан адекватный отпор. И подчеркну, что многонациональное и многоконфессиональное российское общество должно знать и постоянно чувствовать, что у партий есть четкая и консолидированная позиция по этому вопросу.

Недалекий Борис Грызлов не знал, как поддержать своего патрона, и в первых же словах своей ответной речи проговорился, что единого понимания, что такое экстремизм, среди политических сил нет. И тут же сообщил о планах усугубления ответственности за экстремистскую деятельность. Он предложил удвоить меру наказания по «русской» статье УК и похвастался тем, что санкция за вандализм дополнена квалифицирующим признаком «совершение из экстремистских побуждений».

В порядке работы со студенческой средой, Грызлов предложил вклиниться в систему Интернет, где, по его словам, распространяется идеология и практика экстремизма. К такому распространению он отнес материал, инструктирующий участников Русского Марша, как себя вести. Грызлов назвал Русский Марш экстремистским еще до того, как тот состоялся. При том что Грызлов потребовал противостоять пропаганде насильственного экстремизма, никаких поправок «ненасильственному экстремизму» он явно не предусматривал. Также Грызлову очень не понравились оправдательные вердикты присяжных по делам, которые были обозначены так: «убийства таджикской девочки, студента из Конго и вьетнамского студента». Подобные вердикты поставлены под сомнение как возможная недоработка правоохранительных органов. Информация о судебных решениях получена была Грызловым из газет, оценка решений была примитивным воспроизведением истеричных суждений либеральных журналистов.

Грызлов сообщил, что за 10 месяцев 2006 года выявлено 211 преступлений экстремистской направленности, что почти в два раза больше, чем за тот же период 2005 года. Он был очень опечален, что до суда в 2005 году дошло всего лишь 6 дел о публичных призывах к экстремистской деятельности и всего 40 дел о возбуждении ненависти или вражды.

Особенно убедительно Грызлов говорил о политических оппонентах, которые не стали участвовать в фарсе подписания Антифашистского пакта. Он без обвиняков сообщил, что приложит все силы к подавлению политических оппонентов:

«Те лица, которые зарекомендовали себя как пропагандисты экстремистской риторики, те, кто призывает к межконфессиональным разногласиям, просто не имеют права быть предложенными в списках любой партии, даже если она заведомо является оппозиционной действующей власти».

В дальнейшем оказалось, что «верхи» «Единой России» и кремлевские технологи сами определяли, что такое «пропагандисты экстремистской риторики», что такое «призывы к межконфессиональным разногласиям» и как вывернуть руки оппозиционным партиям, чтобы они исключали неудобных из предвыборных списков.

В заключение встречи президент подвел итог:

«...главная задача – “выбить” почву из-под ног экстремистов. Мы должны дать ясный сигнал в общество, что государство думает о гражданах России, о коренном населении страны, что государство в состоянии цивилизованным способом организовать миграционные потоки, защитить рынок труда и действовать не избирательно, а по ясно заявленным принципам, сбалансированным интересами всего общества».

Фактически президент сказал, что «выбить почву» - значит обвинить оппозицию в экстремизме, забрав у нее те идеи, которые она пропагандирует – в сфере защиты коренного населения, миграционной политике и формировании рынка труда.

Оппозиция в России всегда успешно подавлялась и без какого-либо закона. Но бюрократии нужно создать видимость законности. Абсурдность репрессий против русских в русской стране должна была быть прикрыта формальными нормами.

Действия кавказцев, которые сформировали мощную сеть этнических криминальных кланов, никогда не квалифицируются как расовая ненависть к основному, коренному населению. Напротив, кремлевские политтехнологи решили, что оскорбление и унижение русского большинство лучше всего прикрыть массовой кампанией в защиту иностранцев.

29 декабря 2006 года был убит Павел Рязанцев, один из московских активистов ДПНИ, убит ножом после конфликта с кавказцем. Он повернулся к кавказцу спиной, чтобы уйти. Кавказец его догнал и воткнул нож в спину, потом нанес два удара в грудь. И

пресса об этом ничего не сообщала. Потому что убийство русского человека в глазах бюрократии не могло быть ни актом экстремизма, ни актом межнациональной ненависти. А участие в русской организации ДПНИ в тех же глазах дискредитировало убитого до такой степени, что убийство переставало быть экстраординарным событием.

После принятия пресловутого закона как из рога изобилия посыпались уголовные дела «за призывы к социальной розни». В правоохранительной системе каждый прокурор стал социологом и произвольно понимал категорию «социальная группа». Например, в такие группы были волей прокуроров объединены те, кого публицисты и политические ораторы обозначали как «коррупцированные чиновники», «менты», «гопота» и т.д. Хотя ни один социолог подобных социальных групп не знает, интерпретация закон позволяла пачками возбуждать уголовные дела буквально по одному слову.

Где абсурд возведен в норму закона, публицистическая характеристика становится приговором. Вы планируете митинг, пишете статью, выступаете с предвыборной программой. Чиновнику это не нравится, и он произносит приговор: «ксенофобия». Этот приговор предполагает автоматическое выстраивание связи: ксенофоб – кто ненавидит другие народы, а это нацизм; нацизм и фашизм – одно и то же, а вместе они есть экстремизм – наказуемое деяние. Та же цепочка строится и от приговора «антисемит». Разве что здесь она чаще включает термин «расист».

Логика духовно и душевно здорового человека иная. Фобия – это страх. Страх – не преступление, а это психическое состояние. Борьба со страхом милиция не может и не должна. Более того, страх – личное дело. Любой человек имеет право на то, чтобы не любить и опасаться чужого. Важно, чтобы эта нелюбовь не переходила рамки закона. К сожалению, у нас рамки закона переходит, прежде всего, власть. Власть боится народа. У нее есть такая черта – народофобия, русофобия. Это уже не частное дело, а заговор. В ответ на него возникает естественная кремлефобия. И это тоже не частное дело. Именно поэтому возникает страсть власти к репрессиям. Властители боятся тех, кто боится, а чаще ненавидит, их. Из фобии вырастает сопротивление. Кому же понравится власть, которая рассматривает народ, каждого гражданина с его проблемами и запросами, как врага?

Ужасы, которые для нас готовит кремлевский штаб, заговорщиков еще предстоит пережить. Кажется, это неизбежно. Ведь идет перерождение права и смысла общеупотребимых терминов. С такой «несгибаемостью» чиновников мы дойдем до тотального абсурда. Обыватель с его бабским «лишь был не было войны» еще потерпит. А политика умрет. И власть начнет пожирать сама себя, попутно колотя призраков, которых сама себе выдумает. Экстремизм – одна из выдумок. Вряд ли она поможет устойчивости властных институтов. Она их подорвет, потому что еще больше удалит от народа.

[К содержанию](#)

Кондопога: рождение нации

Парламент обсуждает Кондопогу

События в Кондопоге разделили политиков на два лагеря. Одни сразу ясно увидели в этом событии отражение ключевого вопроса современной России: быть ли нашей стране русской или русский народ будет обращен в рабов? Русская Россия без всяких колебаний выразила солидарность с жителями Кондопоги, выступившими против разгула чеченского бандитизма. Нерусская Россия возмущалась, что русские вообще о чем-то смеют судить, а для тех, кто участвовал в массовых акциях, требовали наказания.

Для верной оценки ситуации достаточно было репортажа, который неожиданно прошел по одному из государственных каналов и непредвзято изложил все, что происходило. Именно этот репортаж позволил стране узнать, что существует Движение против нелегальной эмиграции и его лидер Александр Белов, оказавшийся в центре

народного схода и придавший ему целесообразность. Разумеется, властями это было расценено как нечто враждебное. Организованные граждане и их лидеры воспринимаются госчиновниками и чиновниками в погонах как враги. Термин для обозначения врага они приняли – «экстремизм».

У меня не было никаких колебаний в оценках происшедшего в Кондопоге. Я считал и считаю, что события в Кондопоге – форма гражданского протеста, которая соответствует незримо присутствующему моральному праву нации восстать против тирании. В Кондопге очевидна была тирания этнической преступности, произвол этнических группировок, которые попирали права граждан. Зверское убийство двух человек и тяжкие телесные повреждения, нанесенные целой группе людей, вызвали спонтанный всплеск эмоций. Это всплеск не какого-то криминального буйства, не восстание против России, как это было в Чечне. Это борьба граждан за свои права теми методами, которые у них остались. Других методов нет. Вместо того чтобы закрыть треклятое кафе «Чайка», где состоялись поножовщина и убийства, вместо того, чтобы пресечь произвол этнобандитов, карельские власти занимались собственным бизнесом – частными делами на государственной службе.

Что должны были сделать граждане, чтобы остановить издевательства? Они совершенно правильно сожгли кафе, ставшее притоном. И милиции не надо было проявлять слишком большое рвение для того, чтобы кого-то остановить или наказать. Не надо так рьяно, как некоторые люди в фуражках, служить той власти, которая не способна защищать граждан. В конце концов, функция милиции – это защита граждан от криминала, а не исполнение распоряжений бесстыдного начальства. Сожжение кафе «Чайка» или даже разрушение его до основания должно было быть поддержано властями. Но тогда это были бы русские власти, а не русофобские. Русофобские стояли на стороне этнобандитов.

Граждане не защищены от криминала правоохранительной системой, ставшей частью криминального мира, а потому они защищаются, как могут. Они берут в руки тяжелые предметы и колотят представителей преступных сообществ. Это естественные и совершенно правильные реакции на обстановку крайней опасности для жизни и человеческого достоинства. Но еще более правильная реакция – выбрать для себя такую власть, при которой криминал с оружием в руках будут громить специально обученные этому люди. Ведь ключевой характеристикой государства является монополия на легитимное насилие. Когда гражданам приходится применять насилие в ответ на криминальное насилие, это означает, что государство куда-то исчезло, что мы вынуждены рассчитывать только на силы самообороны, на самоорганизацию. Коллективная самозащита – вот что произошло в Кондопоге.

Здравый политик должен всячески поддержать гражданский выбор тех, кто защищает себя от криминала. Увы, события в Кондопоге думская фракция «Родина», к которой я тогда еще принадлежал, встретила в состоянии разложения. Оно коснулось даже, казалось бы, самых надежных и смелых соратников, которые вольно или невольно хотели угадать настроение начальства и тем самым не испортить себе последующей политической карьеры. Увы, осенью 2006 года в России практически не осталось политических субъектов, которые готовы были защищать самоорганизующихся против бандализма граждан. Партия «Родина» завершала свое существование, а в парламенте иссякла энергия фракции «Родина». Фракция не смогла определиться, пока ее не склонил к этому Дмитрий Рогозин (уже не будучи ее председателем), а также съездивший в составе депутатской группы в Кондопогу наш соратник Рубен Бадалов. Отчасти тому же способствовали и мои выступления на заседании фракции и в СМИ.

На заседании Думы Рубену Бадалову, представителю «Родины» в депутатской группе, направленной в Кондопогу, удалось выступить со своим видением ситуации, поскольку другие представители группы явно трусили – боялись не попасть в тон

начальству. Иначе «Единая Россия» оседлала бы и эту тему и подала ее в том ключе, который ей продиктовали из Кремля.

На неопределенность позиции ЕР указывает тот факт, что предложенный текст постановления Думы председатель профильного Комитета В.Н.Плигин сначала предложил не обсуждать, ограничив рассмотрение вопроса докладом Бадалова и своим содокладом, а потом, чувствуя накаленность обстановки в зале заседаний, сам же предложил дать фракциям выразить свою точку зрения.

Из Стенограммы заседания Госдумы 18.10.2006 Рассмотрение вопроса «О поддержке инициативы возбуждения парламентского расследования в связи с событиями в городе Кондопоге Республики Карелия...»

Бадалов Р. М. («Родина») *Уважаемые коллеги, поводом для инициации группой депутатов возбуждения парламентского расследования послужили известные события, произошедшие в городе Кондопоге Республики Карелия в конце августа - начале сентября текущего года. В справке, представленной рабочей группой, выезжавшей на место событий, указан вывод: острый социальный конфликт, произошедший в городе, является следствием накопившихся социально-экономических проблем, просчётов миграционной, национальной и информационной политики, следствием отсутствия решительных действий в борьбе с коррупцией и организованной преступностью. Всему этому есть документальное подтверждение.*

...непринятие соответствующих действенных мер со стороны местных властей по разрешению социального дисбаланса, а также отсутствие полноценного контроля за процессом как внешней, так и внутрироссийской миграции способствовали росту раздражения среди местного населения, недовольного многочисленными случаями негативного, а иногда и явно криминального поведения представителей кавказских диаспор. Со своей стороны, сами кондопожские кавказцы поддерживают версию, что обострение ситуации вызвали местные криминальные авторитеты, заинтересованные в том, чтобы вытеснить из города кавказский бизнес, который вроде бы отказывается платить им дань.

...длительное отсутствие муниципальной власти, беспомощность правоохранительных органов, безработная молодёжь, палёная водка, наркотики, игровые заведения в жилых домах, контроль криминала над городским рынком - вот среда конфликта.

...К событиям в Кондопоге привели не только тотальное разложение местной власти, криминал и коррупция во властных структурах, но и наложившиеся на эти негативные проявления полное отсутствие национальной политики. Наверяд ли все эти обстоятельства могут быть рассмотрены в рамках заведённых уголовных дел. При этом наши оппоненты, доказывая отсутствие целесообразности экстренного разбирательства, говорят, что мы бытовому конфликту, какой-то пьяной драке уделяем слишком много внимания и пытаемся придать этническую окраску. Говорят, что в Карелии есть органы правопорядка, прокуратура и даже Министерство внутренних дел, они проведут расследование и разберутся, следствие будет долгим, но потом справедливое возмездие свершится, а нам остаётся только ждать суда и выслушать суровый, но справедливый приговор убийцам, преступникам, которые, как известно, не имеют национальности. Но на самом деле имеют.

У нас, видимо, забыли о существовании этнических преступных группировок. Национальность - самая главная скрепа в таких группировках. Неважно, какая национальность, важно, что это именно стержень, важно, что этнические «понятия» в них значительно важнее законов. Об этом следует

помнить, когда заходит речь о гражданах, компактно селящихся по принципу этнической общности, и нет никакой разницы, кто это - азербайджанцы, армяне, грузины, евреи, чеченцы, турки-месхетинцы или любые другие. В условиях попустительства или полного отсутствия власти, то есть вседозволенности и расцвета криминала, проявляется откровенное неуважение к окружающим, в том числе и по национальному признаку. Они считают себя хорошими и всемогущими, а других - плебейми, которых надо обирать и над которыми можно глумиться и нужно глумиться.

Сотня с лишним задержаны во время погромов, десятки наказаны административными штрафами или краткосрочным арестом. Судьба же прямых участников драки со смертоубийством пока остаётся неизвестной, и нет полной уверенности в том, что по окончании разбирательства вина задержанных по этому делу будет доказана, есть только понимание того, что корень зла - в чудовищном развале правоохранительной системы, в коррупции, в полном попустительстве местной власти, способной только подогреть конфликты, а потом решать их с помощью ОМОНа.

События в Кондопоге требуют самого серьёзного и комплексного изучения, так как это не единичный случай, а тенденция. По статистике, более половины российских граждан не исключают, что подобные конфликты могут произойти в их местности. (...) В последние месяцы обстановка обостряется: Харагун, Сыктывкар, Москва, Сальск, Брянск, Кондопога, Вольск, Самара.

С учётом масштабности проблемы межэтнических столкновений особого внимания заслуживают изучение последствий данного конфликта, выработка предложений по совершенствованию действующего законодательства, по формированию внутригосударственной политики регулирования межнациональных отношений, учитывающей национальные особенности. Вызывает недоумение и возмущение заявление по поводу кондопожских событий премьера Чеченской Республики господина Кадырова, пообещавшего, что если местные власти не смогут вернуть ситуацию в правовое русло, то он найдёт свои методы. Какие именно методы он имел в виду, никто, наверное, не понял, но многие догадались. Что, кроме Кадырова, некому разбираться в таких ситуациях?

Парламентское расследование необходимо проводить сегодня, завтра может быть уже поздно. Не захотим расследовать события в Кондопоге - придётся расследовать такие же, но уже в Москве.

В материалах, которыми располагает депутатская группа, имеются многочисленные факты того, что в ходе рассматриваемых событий происходило грубое и массовое нарушение прав и свобод граждан, факты бездействия местных властей и представителей правоохранительных органов, которые предпочли не вмешиваться в противоправные действия, сопровождаемые массовыми беспорядками в городе. Кроме того, события в Кондопоге имели резкие негативные последствия для общества и государства в целом, примером чему могут служить столкновения на национальной почве.

В связи с этим, а также в целях обеспечения палатами Федерального Собрания Российской Федерации контроля деятельности исполнительных органов государственной власти, государственных органов, не являющихся органами государственной власти, органов местного самоуправления по устранению причин и последствий событий, произошедших в городе Кондопоге, фракция «Родина» и депутаты, которые подписали наше предложение, настаивают на проведении парламентского расследования по обозначенным обстоятельствам в полном соответствии с ФЗ № 196 «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации».

Плигин В. Н. («Единая Россия») Не вызывает никакого сомнения, что сейчас Государственной Думой рассматривается далеко не рядовой документ. Впервые с момента начала действия федерального закона, устанавливающего правила проведения парламентских расследований, сделано обращение о начале данной крайне значимой и ответственной процедуры. Это предложение поддержано девяносто одним нашим коллегой. Не вызывает также никакого сомнения, что это сделано с реальной и справедливой надеждой на то, что именно данная форма реагирования Федерального Собрания может быть гораздо более действенной и объективной по сравнению с действенностью и эффективностью реагирования других институтов власти.

Закон "О парламентском расследовании..." предусматривает определённые требования к содержанию письменного обращения о возбуждении парламентского расследования, в том числе изложение в нём фактов и обстоятельств, подлежащих расследованию, а также обоснование необходимости и возможности его проведения. Данные требования авторами обращения не выполнены. Отсутствие чёткого и однозначного определения предмета расследования, а также сколько-нибудь детального обоснования необходимости и возможности его проведения не позволяет сформулировать на основании представленных материалов задачу парламентской комиссии. В таких условиях деятельность создаваемой комиссии с неопределёнными полномочиями вместо содействия нормализации обстановки, выяснения и устранения причин конфликта может лишь привести к усложнению ситуации.

Сейчас в Карелии в стадии расследования находятся несколько уголовных дел в отношении значительного числа обвиняемых. Однако из текста обращения нельзя вывести иного предмета парламентского расследования, кроме совершённых убийств, погромов, поджогов, уничтожения имущества, а также ненадлежащих действий тех или иных государственных органов и органов местного самоуправления. Все эти обстоятельства подлежат выяснению при расследовании возбужденных в связи с известными событиями дел (пункт 1 части первой и часть вторая статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). В результате создание комиссии неизбежно приведёт к дублированию деятельности органов предварительного следствия.

Парламентское расследование - процедура, завершающаяся принятием юридического документа, устанавливающего предусмотренные законом правовые последствия, а значит, одних только политических соображений для возбуждения и проведения парламентского расследования недостаточно. Необходимо чёткое соблюдение требований закона. В противном случае нормальная деятельность комиссии окажется попросту невозможной, а её выводы будут оспоримыми по формальным основаниям. Итоги такого расследования окажутся противоположными желаемым: запутывание ситуации, рост напряжённости и конфликтности в обществе, снижение авторитета Федерального Собрания.

Как широко известно, в Карелии принимаются меры для объективного изучения ситуации, институты исполнительной власти сотрудничают со следствием, отдельные должностные лица привлечены к дисциплинарной ответственности, уволены.

Есть вопросы, о которых без детальной подготовки лучше не говорить. Сама постановка этих вопросов публично нецелесообразна, пока не исчерпаны иные методы. Именно с таким случаем мы имеем дело сегодня. Поскольку собственно повторение следственных действий невозможно и нецелесообразно, на данной стадии самостоятельного предмета расследования нет. На основании изложенного Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству рекомендует Государственной Думе отклонить

инициативу одной пятой от общего числа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации о возбуждении парламентского расследования фактов грубого и массового нарушения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в связи с событиями в городе Кондопоге Республики Карелия 30 августа - 3 сентября 2006 года.

Результаты голосования
Проголосовало за 146 чел. 32,4%
Проголосовало против 3 чел. 0,7%
Воздержалось 0 чел. 0,0%
Голосовало 149 чел.
Не голосовало 301 чел. 66,9%
Результат: не принято

Голосование показало, что «партия власти» была в растерянности. Полсотни единоросов поддержало возбуждение парламентского расследования даже вопреки мнению Комитета, которое всегда отражало мнение «верхов». Если бы народные волнения приобрели систематичный характер, «партия власти» была бы разрушена в считанные недели. Но Кремлю удалось репрессиями и ложью подавить выступления граждан и все акции солидарности с Кондопогой.

Месяц после восстания

Через месяц после резни в Кондопоге Дмитрий Рогозин, Александр Белов и я отправились в поездку, чтобы встретиться с родственниками пострадавших и общественностью, из первых уст узнать, как идет расследование и какая обстановка в городе. Первым пунктом нашего маршрута был Санкт Петербург, где мы намеревались встретиться с активистами русских организаций. Микроавтобус должен был привезти из Кондопоги родственников погибших и раненных бандитами людей.

Наши злоключения начались с того, что снятый под встречу зал был закрыт. На дверях красовалась бумажка о том, что в здании нет электричества. Через стеклянные витражи было видно, что внутри светится реклама игровых автоматов. Электричество было, но не было совести. Власти Санкт-Петербурга настойчиво порекомендовали владельцам зала не допустить выступления оппозиционных депутатов, а тем более в присутствии жителей Кондопоги.

Перед зданием собралось более трехсот человек. Состоялся стихийный митинг, на котором мы рассказали о том, что случилось в Кондопоге и почему власть боится гражданского протеста против этнобандитизма. Собравшимся была роздана только что вышедшая книга Рогозина «Враг народа» и моя брошюрка «Родина ждет. Сражайся!» Мы видели на этом митинге, что граждане в городе на Неве есть, а власть если и есть, то к этим гражданам никакого отношения не имеющая. Это была чужая для них и для нас власть. О ней питерцы высказывались только с крайней степенью презрения.

Вторая проблема, которую создали нам власти – задержание в пути двигавшихся на встречу с нами жителей Кондопоги. Милиции было дано указание останавливать их у каждого столба. Каждый раз не просто проверялись паспорта, но с них снимались копии. Однажды прошел полный досмотр. Якобы, на предмет наличия наркотиков. Вместо пяти часов в пути кондопождцы ехали в Питер восемь часов и были совершенно измучены, когда мы все же встретились с ними. Долго, за полночь говорили о том, что случилось в их городе, за что убили и искалечили русских ребят, насколько подло действует власть и руководство правоохранительных органов.

Кроме задержки в пути, карельская прокуратура не допустила на нашу встречу нашего активиста и помощника Сергея Иванова. Его насильственно доставили на допрос к прокурору в Петрозаводске. Пользуясь своим конституционным правом, он отказался

давать показания. Обрато в Кондопогу его не повезли, и на встречу с нами он так и не смог приехать. Несмотря на мои требования прекратить беспредел, милицейские кадры, угрожавшие Иванову расправой, не остановились. А прокурор, который организовал противозаконные действия против законопослушного гражданина, просто не поднимал трубку телефона.

Позднее местные власти продолжали вредить Сергею Иванову, мстя ему за активную позицию и нежелание «войти в положение» и предать своих единомышленников. Не сомневаюсь, что вооруженное похищение Сергея в августе 2007 года было организовано милицией или спецслужбами. Он был вывезен за город в лес и сильно избит. Никакого расследования этого инцидента местная милиция и прокуратура не провели, несмотря на депутатские запросы с моей стороны. В Карелии похищение людей, вероятно, считается нормой жизни. Туда уже пришла Чечня со всеми ее безобразиями. Ведь Путин как-то сказал: «У нас кругом Чечня». Так и получилось.

Третья порция гадостей со стороны властей ждала нас по пути из Питера в Кондопогу. Нас снова останавливали у каждого столба. Но поскольку я каждый раз предъявлял депутатское удостоверение, проверки были менее затяжными. Количество милиции на дорогах было аномальным. Казалось, что на нас ведется охота. Один из охотников снял с водителя штраф за превышение скорости. Другой просто махнул палочкой и пошел разбираться с другой остановленной машиной. Я выскочил из микроавтобуса и потребовал, чтобы сержант милиции остановился и подошел ко мне. Сержант и ухом не повел. Тогда я вернулся в микроавтобус и мы отправились в дальнейший путь. За нами началась форменная погоня. Одна машина нагнала нас сзади, другая перекрыла путь. Вооруженные автоматами милиционеры захватывали нас как террористов и убийц. Я снова выпрыгнул из автобуса, требуя, чтобы от нас отстали. Демонстративно записал номера машин автоматчиков. Те несколько прижали уши, но в порядке компенсации все-таки оштрафовали нашего водителя на 50 рублей, которые я тут же компенсировал из своего кармана.

Кондопога была пустынной. Люди как будто вымерли. Зато рядом с домом культуры стоял автобус с ОМОНОм и прогуливались люди в штатском, всем своим видом демонстрирующие, что они при деле. В зале, который нам предоставили для встреч, мы собрать людей не смогли. «Потому что прорвало трубу». Как раз к нашему приезду. Соответственно, распространенные объявления о встрече с депутатами только дезинформировало людей. Смогли узнать, куда наше мероприятие будет перенесено, немногие. Но среди этих немногих почему-то оказалась депутат ГД Пивненко от «Единой России», которую перепуганная «партия власти» направила в Кондопогу, чтобы присмотреть за нами.

Проведенный нами прием граждан был не слишком результативен. В городе были те же проблемы, что и всюду. Недееспособная власть, произвол чиновников всех уровней, милиция, занятая не своими делами, и т.д. Страсти, связанные с восстанием граждан против этнической мафии, к тому времени в значительной мере улеглись. А против организаторов протеста действовали прокуратура, милиция и республиканская власть. Руководителям организации «Наш дом Кондопога» грозили увольнением с работы. Граждан запугивали, чтобы они не смели высказывать своего мнения, а показания следствию давали только в указанном властями духе.

Наш отъезд из Кондопоги был почти комичен. Не успели мы забраться в микроавтобус, как к нему подбежал молоденький омоновец и заявил, что у него приказ нас задержать. Водитель оказался не робкого десятка. Он захлопнул дверь, гордо сказав, что ведет депутатов Госдумы, и дал по газам. Растерянный омоновец остался стоять у дороги, а мы устремились в Петрозаводск, откуда поездом вернулись в Москву.

Кого судила чужая власть в Кондопоге

Правоохранительная система давно и надежно разошлась в своих представлениях о том, что происходит в стране, с основной массой населения. Именно поэтому страна погружена в коррупцию и угнетена уголовщиной и поражена русофобией.

События в Кондопоге на рубеже августа-сентября 2006 года были расценены кремлевским агитпропом как массовые беспорядки, в народе – как акт гражданского сопротивления этническому бандитизму. Кондопога для русских стала символом сопротивления, городом-героем, для власти – страшным предзнаменованием перемены эпохи, за которой последуют выводы об ответственности за унижение и уничтожение русского народа. Поэтому события в Новоалександровске в феврале 2007 года, подобные кондопожским, вызвали не только спешный десант ФСБ во главе с высшим руководством, но и массивную атаку на патриотические интернет-ресурсы и запрет на упоминание в СМИ о новом взрыве народного возмущения.

Из ответа Генпрокуратуры на депутатский запрос:

В ходе расследований не получены данные, свидетельствующие о совершении этих преступлений на религиозной или национальной почве.

В то же время эти преступления вызвали в г. Кондопоге большой общественный резонанс и повлекли массовые беспорядки, сопровождающиеся поджогами, уничтожением и хищением имущества.

Свое представление о жизни властная группировка насаждает в правовой по форме, но издевательской по сути интерпретации событий в Кондопоге. Прокурорская интерпретация состоит в том, что русские уголовники спровоцировали драку, которая привела к гибели нескольких их приятелей, а потом вспыхнули беспорядки, возникшие в результате халатности местной милиции, не подавившей выступление граждан и не разогнавшей несанкционированный митинг, а также в результате деятельности русских политических активистов. Эти измышления лежат в основе проходящих процессов и расследований.

Лукавство судебной расправы началось уже с того, что кондопожцам Сергею Мозгалеву и Юрию Плиеву предъявлены обвинения по статьям УК «Хулиганство» и «Побои» за драку с барменом ресторана «Чайка». В чем реально выражались «побои» скрывается, а общественному мнению предлагают возмущаться тем, что кровавый сюжет начался именно с этой драки, а значит, ее участники (исключая «пострадавшего») – зачинщики последующих массовых беспорядков.

Ради дискредитации личности Мозгалева власть усиленно подчеркивала, что он уже отсидел немалый срок за убийство. Его отсутствие на месте последующих событий расценивается как бегство с поля боя, где вместо него в бандитской «разборке» пострадали другие люди. Эти измышления рассчитаны на обывателя, полагающего, что любое насилие, а тем более убийство – раз и навсегда негативно определяет личность человека. Приговор, таким образом, должен быть поддержан «общественным мнением». Русское общественное мнение в то же самое время интуитивно считало все эти обстоятельства несущественными. А существенно лишь то, что в Кондопоге очевидно проявилась связь власти и правоохранительной системы с этническими бандами.

Что касается Сергея Мозгалева, то его криминальная биография возникла от нежелания подчиняться уголовной иерархии. Мозгалев в 1999 году, действительно, был осужден за убийство криминального авторитета. Справедлив ли был приговор, мы не знаем. Защищал ли Мозгалев тогда свою жизнь, защищал ли он в «Чайке» свое достоинство, была ли драка формой ответа на русофобское поведение местных этнобандитов? Мы можем сказать наверняка только то, что на достоинство человека посягнул несправедливый суд, настроенный на не выяснение истины, а на исполнение политического заказа. Главное, что в лице Мозгалева власти стремились

дискредитировать всех русских людей, всех, кто не намерен был терпеть распоясавшихся инородцев.

Потерпевшим власть и суд считали бармена Рамиля Гусейнова. Правда, всем участникам суда бросилось в глаза, что существенных изменений в его облике «побой» не повлекли. Оказалось также, что не он один был среди «потерпевших». Про этих безвестных персонажей прокуратура говорила уклончиво - «и другие». Эти «другие» соучаствовали в драке и были, как минимум, ценными свидетелями. Но их благополучно выпроводили на родину – в Азербайджан. В результате судебного разбирательства выяснилось, что никаких односторонних побоев бармену Гусейнову не наносилось. Драка была взаимной. Что азербайджанцы, участвовавшие в драке, следствием не были задержаны, говорит нам о многом.

В Кондопоге бармена Гусейнова люди считают заказчиком убийства. Именно он вызвал в «Чайку» чеченских «мстителей». Что кровавая бойня возникла именно на его рабочем месте, что его обиды стали поводом для бандитского нападения, власть игнорировала. Потому что иначе пришлось бы признать существование в Кондопоге (и не только) этнических банд, терроризирующих местное население. А если так, то какова же роль власти, допустившей разрастание русофобского бандитизма?

Своими действиями в Кондопоге власть расписалась в том, что чеченская диаспора для нее – самая важная часть населения. В Кондопоге всем было известно о цинично-наглом поведении чеченцев, об их захвате рыночной торговли, о безнаказанности уголовщины, идущей от чеченской общины. Но карельские власти стали спасать чеченцев от гнева граждан. Значит, власть и граждане одинаково не питали иллюзий в отношении источника бандитизма. Но власть встала на защиту этого источника и направила закон против граждан. Чеченцев спрятали в местном пансионате, обеспечив им питание и охрану. Порезанные чеченскими ножами русские получили от власти только оскорбления и уголовное преследование. Сергея Мозгалева превратили в «зачинщика массовой драки» именно потому, что в России главным законом стал закон гор: за любые обиды гордых горцев может ответить любой русский.

Больше всего власть была испугана не массовым избиением граждан, не убийствами, а сходом граждан, возмущенным бездеятельностью чиновников, произволом этнобандитов, зверством убийц. Власть все это приняла на свой счет и потребовала примерного наказания тех, кто не продолжил издевательств над гражданами полицейской бойней. Сход должен был быть разогнан дубинками – именно такая установка теперь распространяется по всей стране. Протестные акции превращаются в заведомо противозаконные, а закон - будто бы - требует задержаний, избиений, фальшивых протоколов и судебных издевательств. Все это достается на долю непокорного русского народа, который власть так старается превратить в бессловесный скот.

В Кондопоге судили активных участников схода и тех, кто решение схода постарался претворить в жизнь – разорить гнездо этнобандитизма в ресторане «Чайка». Коллективное сопротивление преступности, с которой милиция и прокуратура уже давно перестали бороться, теперь выдавалось за организацию массовых беспорядков. Судили людей, фактически выполнивших роль народной милиции. Значит, судили русский народ, судили честных граждан. Судила их чужая власть, потерявшие честь и профессиональное достоинство - судьи и прокуроры. Потворствовали этому беспределу на самых высших этажах власти, которая теперь без народного мнения всюду рассаживает по кабинетам своих подлецов и дает указания журналистским стаям.

Ради дискредитации русского сопротивления, СМИ много писали о криминальном прошлом Мозгалева. А что писали о чеченцах-убийцах, о азербайджанцах, участвовавших в драке? Ничего! Убийство, произошедшее в Кондопоге, как-то отходило на второй план. О нем забывали, потому что главное – обличение русской «нетолерантности». Ведь русские должны привыкнуть, что их убивают! И молчать.

Прокуратура отрицала ритуальный и религиозный характер убийства. Но при этом не расследовала причины, по которым обиды бармена «Чайки» были восприняты с такой невероятной экзальтацией, что группа бандитов начала убивать всех, кого встретила на своем пути. Этот видимый беспредел имел определенные смысл и причину. Узнать их, установить официальным порядком было для власти делом невозможным. Следователи не желали принимать во внимание показания очевидцев и просто не способны были осмыслить события. Для очевидцев же было ясно, что нападавшие имели четкое представление об образе «чужого». Они нападали именно на русских. Ярость этого нападения наверняка имела религиозный характер – иначе не объяснить зверского бешенства, иначе не понять «кровной мести», в которую превратилось отмщение побоев азербайджанского бармена.

Прокуроры легко идут на предъявление ст. 282 УК русским, но никогда (или в редчайших случаях) энобандитам и русофобам. Целая Чеченская война прошла просто как «наведение конституционного порядка». В Кондопоге в действиях кавказцев тоже никакой 282-й статьи прокуроры и суд не усматривали. Как же чеченцы не поубивали друг друга в ресторане «Чайка»? Если они не знали в лицо тех, кто должен был ответить за обиды бармена, то как были определены жертвы? Прокурорам и судьям не желательно признавать очевидным русофобский расизм вновьявленной кавказской диаспоры. Потому что такое признание тут же привели бы к выводу: точно таким же расизмом больна сама власть.

Уголовное дело по 282-й статье было возбуждено против лидера ДПНИ Александра Белова, в то время – моего штатного помощника, помощника депутата Государственной Думы. Сфабриковав дело с явно политической подоплекой, республиканская прокуратура, очевидно, исполняла волю Кремля. Белову было предъявлено обвинение в возбуждении межнациональной розни за высказывания, прозвучавших во время обсуждений в СМИ событий в Кондопоге.

Из постановления о возбуждении уголовного дела (лексика и орфография сохранены):

Поткин А.А. (Белов) ... специально приехал из Москвы и принимал активное участие в организации и проведении 02.09.2006 г. в г. Кондопога несанкционированного митинга с участием более 2000 граждан, участвовал в выработке требований к местной администрации в отношении некоренного населения города, направленных на возбуждение вражды к гражданам, приехавшим в Кондопогу из Чеченской республики России и республик Кавказского региона, проживающих в Кондопоге.

Заведомо зная, что в ходе межгруппового конфликта происходившего накануне митинга (30.08.2006. в г. Кондопога) несколько граждан из некоренных жителей Кондопоги совершили насильственные действия по отношению к коренным жителям, и при этом несколько человек были ранены, а двое из потерпевших – убиты, но без глумления над телами, как это установлено материалами расследования, в том числе – и соответствующими судебно-медицинскими экспертными исследованиями, Поткин А.А. с целью возбуждения ненависти и вражды, унижения человеческого достоинства группы лиц по признакам национальности, принадлежности к социальной группе, используя средства массовой информации и публично в ходе телепередач «Народ хочет знать» (08.09.2006. ТВ-Центр) и «Неделя» (09.09.2006. РЕН-ТВ) умышленно сделал высказывания, направленные, как следует из заключения специалиста-филолога, на возбуждение ненависти и вражды по отношению к лицам чеченской национальности, Кавказских республик, некоренного населения, проживающего в г. Кондопога, унижающие их человеческое достоинство – «они убивали всех, кто там находился, резали, отрезали уши, глаза выкололи парню...» и другие.

Прокурор П.А.Клемешов

За халатность предполагали осудить тех сотрудников милиции, которые не вмешались в резню у «Чайки», а также тех, кто не принял должных мер к розысканию и задержанию убийц по горячим следам. В халатности был обвинен оперативный дежурный Алексей Костин. Он не зарегистрировал поступившую к нему информацию о происходящем у ресторана «Чайка», не организовал ее проверку, не направил дежурные наряды. Но очевидцы знают, что наряд милиции все видел и не вмешался. Дежурная машина милиции отказалась везти раненых, истекающих кровью, в больницу. Потому что «сиденья запачкают».

Не меньшую халатность проявлял и ведущий дело заместитель прокурора республики П.А.Клемешов. Он тоже боялся, что его «запачкают» русской кровью. Его постановление о возбуждении дела против Александра Белова носило не только политический, но и явно профанный характер. Оказывается, лидер ДПНИ уже через неделю после событий мог «заведомо знать», что следствие устанавливало потом полтора месяца. Прокурор, описывая «заведомо известное», изложил в своем постановлении факты, которые не были ни ему самому, ни кому бы то ни было еще, заведомо неизвестны. То есть, все постановление – прямая ложь, подтасовка, хамство обнаглевшего невежды. Объяснить все это можно только стремлением реализовать поставленную «верхами» задачу – организовать политические репрессии.

Прокурор отрицал наличие этнической разницы между нападавшими и пострадавшими. Обе стороны именовались только как «коренные» и «некоренные». Получается, что это Белов выдумал, что в столкновении была кавказская (чеченская) и русская стороны! То есть, по мнению прокурора, в событии не было ничего «международного», а соответствующий характер конфликту пытается придать лидер ДПНИ.

Оказывается, убийцы имеют какое-то человеческое достоинство, на которое посягает сам рассказ об убийстве, представляющий собой изложение свидетельств очевидцев. Но почему же тогда обвинительное заключение объемом в 632 листа для арестованных двух Магомадовых, Камилова, Эдильсултанова, Баканаева и Ахмадова переводилось на чеченский язык? Разве само по себе это не устанавливает наличие этнической группы, которая не в состоянии понимать местный язык в достаточной мере, чтобы участвовать в суде?

Из депутатского запроса Генеральному прокурору Ю.Я.Чайке

Суть претензий населения к сотрудникам прокуратуры сводится к тому, что граждане усматривают в действиях заместителя прокурора Республики Карелия П.А.Клемешева личную заинтересованность в наиболее мягком наказании для бандитов - выходцев с Кавказа, и наиболее суровом наказании для местных жителей Кондопоги.

В настоящее время "потерпевшая сторона" - представители азербайджанской диаспоры, подали иски в мировой суд на гр. Мозгалева и гр. Плиева за драку в кафе "Чайка". Последние подали встречные иски. Однако сотрудники прокуратуры ограничились обвинениями по отношению лишь к одной из сторон, представляя только местных жителей зачинщиками драки. На этом основании были подготовлены материалы для уголовного преследования гр. Мозгалева и гр. Плиева, несмотря на то, что свидетели драки утверждают о виновности обеих сторон.

Более того, официальные лица прокуратуры Республики Карелия делают публичные заявления в средствах массовой информации о том, что якобы гр. Мозгалева явился зачинщиком всех трагических событий, произошедших в городе

Кондопога, игнорируя факты многочисленных нарушений законодательства, происходивших в кафе "Чайка" при бездействии правоохранительных органов.

Фактически исключается религиозная и национальная составляющая убийства жителей Кондопоги, вопреки свидетельствам очевидцев, утверждающих, что преступники кричали "Аллах Акбар, режь русских свиней". Бандитское нападение чеченских боевиков трактуется прокуратурой Республики Карелия как "хулиганские действия", что не может не вызывать протестов населения Кондопоги, для которых очевидно, что действовала слаженная группа настоящих убийц, поставившая себя вне российского законодательства и общественных норм.

До сих пор не установлено лицо, вызвавшее в кафе "Чайка" боевиков и заказавшее расправу. До сих пор общественности не известно об использовании или причинах неиспользования видеопленки с аппаратуры слежения в кафе "Чайка", на которой зафиксирована драка с барменом и расправа боевиков над мирными жителями. Кроме того, жители Кондопоги выражают возмущение тем, что за первую драку в кафе "Чайка" арестованы и находятся под следствием два местных жителя, тогда как остальные участники драки не привлечены к ответственности.

Очевидно, что расследование трагедии в Кондопоге ведётся необъективно, что провоцирует рост недовольства среди жителей города и подрывает доверие к официальной власти. В связи с этим, прошу Вас провести проверку и принять меры прокурорского реагирования, а также инициировать служебное расследования и пресечь нарушения, допущенные в ходе следствия.

Депутат ГД РФ А.Н.Савельев, 19.01.2007

Из ответа Генеральной Прокуратуры

Прокуратурой Республики Карелия возбуждены пять уголовных дел о преступлениях, совершенных в г. Кондопоге в период с 30.08.2006 по 02.09.2006.

05.09.2006 возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 116 и ч. 2 ст. 213 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью, нанесение побоев, хулиганство, совершенное группой лиц). Установлено, что 30.08.2006 около 1 часа ночи Мозгалев С.А., Плиев Ю.Н. и Симанаскас В.И. в ресторане «Чайка» из хулиганских побуждений подвергли избиению Гусейнова Р.Г. и других. Примерно через полчаса знакомые пострадавших Магомадов И.С., Баканасев А.М., Камилев М.Ш., Ахмадов М.А., Магомадов Г.Ш. и Эдильсултанов С.А. напали на зачинщиков конфликта. В результате были совершены убийства Усина С.А. и Слезова Г.А., пострадали Мозгалев, Плиев, Симанаскас и другие. На основании полученных данных и с учётом деятельного раскаяния Симанаскаса, уголовное преследование в отношении последнего прекращено.

25.01.2007 в Кондопожском городском суде началось рассмотрение уголовного дела по обвинению Мозгалева и Плиева в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 116 и ч. 2 ст. 213 УК РФ.

30.08.2006 возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных пп. «а», «и» ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 213 УК РФ (убийство двух лиц из хулиганских побуждений, хулиганство, совершенное группой лиц). Обвинения предъявлены Магомадову И.С. и другим пяти участникам нападения, каждый из которых содержится под стражей с первых дней следствия. Потерпевшими признаны одиннадцать лиц, которые в настоящее время знакомятся с материалами дела.

Согласно собранным доказательствам, видеозапись данных событий в ООО «Ресторан «Чайка» не велась, в связи с чем она не могла быть изъята и приобщена к делам.

В ходе расследования не получено данных, свидетельствующих о совершении этих преступлений на религиозной либо национальной почве.

В то же время эти преступления вызвали в г. Кондопоге большой общественный резонанс и повлекли массовые беспорядки, сопровождавшиеся поджогами, уничтожением и хищением имущества. По фактам организации массовых беспорядков, призывов к таким действиям и участия в них, 02.09.2006 возбуждено уголовное дело, предварительное следствие по которому в настоящее время завершено. Обвинение предъявлено одиннадцати жителям г. Кондоги, принявшим активное участие в массовых беспорядках. После ознакомления обвиняемых и потерпевших с материалами дела оно будет направлено в суд.

15.09.2006 и 12.10.2006 по фактам ненадлежащего исполнения служебных обязанностей сотрудниками милиции Кондопожского городского отдела внутренних дел и МВД Республики Карелия при пресечении насилия у ресторана «Чайка» и последовавших массовых беспорядков возбуждены и расследуются два уголовных дела по ч. 1 ст. 293 УК РФ (халатность).

Расследование уголовных дел происходит в условиях обеспечения максимальной гласности. Для снижения социальной напряжённости прокурором Республики Карелия в г. Кондопоге проводились приём граждан, встречи с руководителями местной администрации, правоохранительных органов, общественностью.

Периодически готовятся публикации о результатах расследования в местной и центральной печати, информации, для телевидения и радио.

Личной заинтересованности заместителя прокурора республики Клемешова П.А. при расследовании не установлено.

В ходе проверки деятельности ООО «Ресторан «Чайка» выявлены нарушения существенных условий договора аренды, санитарных норм и правил со стороны руководителей организации. В результате 11.09.2006 главе Кондопожского района внесено представление, договор аренды расторгнут, в суд направлен иск о взыскании с ООО «Чайка» задолженности по арендной плате.

Заместитель Генерального прокурора РФ А.И. Бастрыкин, 26.02.2007

Нет сомнений, что пример Кондопоги показал, что органы прокуратуры превращены в репрессивный аппарат, направленный против русских людей.

Комплексная этнологическая и психолого-лингвистическая экспертиза, заказанная следствием Институту этнологии и антропологии РАН, показала, что высказывания Белова не могли оказывать влияние на формирование или изменение массового сознания и служить мировоззренческой основой для ультрарадикальных националистических устремлений. Для вменяемого и минимально образованного человека это было ясно и без всяких экспертиз. Уголовное дело в отношении Александра Белова было прекращено прокуратурой Карелии за отсутствием става преступления. Но Карельский беспредел продолжался. Виновные в безосновательном возбуждении уголовного дела не были наказаны.

Безнаказанность породила новые преступления. В августе 2007 года Белов был противозаконно задержан в Петрозаводске, против него было состряпано дело об административном правонарушении. Цель этой грязной «работы» сотрудников карельской милиции состояла в том, чтобы не допустить Белова в Кондопогу в годовщину прошедших там трагических событий и народного восстания. Об издевательствах в отделении милиции (5 суток за решеткой без каких-либо признаков правонарушения!) и подлых уловках в суде (судья Тарабрина Н.Н.) Александр Белов написал в своих

воспоминаниях. Они однозначно свидетельствуют о полном перерождении правоохранительной системы Республики Карелия и превращении ее в криминальную структуру, попирающую права граждан.

Подтверждением самых мрачных оценок состояния правоохранительной системы Карелии и России в целом являются приговоры 12 участникам народного сопротивления этнобандитам (это называется теперь «массовыми беспорядками»). Каждый из них получил по 3 года условно. В марте 2008 года были осуждены Сергей Мозгалев и Юрий Плиев, поименованные как «зачинщики драки». Они были признаны виновными по ч. 2 ст. 116 УК РФ (нанесении побоев, совершенных из хулиганских побуждений). Мозгалев был осужден на 3,5 года с отбыванием наказания в колонии строгого режима, Плиева - к 8 месяцам тюрьмы.

Тем временем суд над убийцами превратился в фарс. Перевод материалов на чеченский язык занял много месяцев. При этом подсудимые откровенно глумились над правосудием, объявляя на русском языке, что ничего в деле понять не могут, поскольку русским не владеют и по-русски не понимают. Адвокаты стремились придать процессу политический характер, а чтобы сорвать заседание суда четверо из пяти адвокатов не явились на заседание. Глумясь над судом, преступники заявили, что некоторые из адвокатов уехали в Чечню на лечение, а когда вернутся неизвестно. Убитые лежали в земле, раненные залечивали раны, их защитники отбывали назначенные сроки или получили условные, а банда головорезов продолжала нагло посмеиваться над судом, который не торопился вынести приговор. Потому что затихло общественное мнение, потому что власть кремлевская все более приближала к себе власть чеченскую, потому что чеченская уголовная мафия все больше опутывала страну.

В Кондопоге русских судила чужая власть, не имеющая к русским интересам никакого отношения. Власть безродная и бесстыдная. Судебный фарс служил только сокрытию истинных причин трагедии и обвинению в ней русских людей. Покровительство этнобандитам было превращено в «фирменный стиль» власти. Бандиты становились кремлевской гвардией, которую в любой момент можно бросить против русских, выступающих за свои права. Им в жертву приносились русские люди – офицеры, воевавшие в Чечне, общественные активисты, участники массовых акций протеста. Эти жертвоприношения объединяют власть и этнобандитов одну русофобскую секту, с которой русским на одной земле ужиться невозможно.

Увы, русские принимают тот приговор, который им подписывает чужая власть. После событий в Кондопоге, избиратели Кондопожского района проголосовали за «Единую Россию», которая отказалась проводить парламентское расследование этих событий. Местные органы власти оказались под контролем тех сил, которые создали невозможную для жизни ситуацию в городе. Они продолжали смотреть в рот мадам Пивненко, думскому депутату от «Единой России», которая призывала отказаться от парламентского расследования и обличительно воскликнула: «Надо и за собой смотреть. Когда у депутата на двери висит лозунг “Я – русский!”, это о многом говорит». Когда подобное говорит с парламентской трибуны депутат, он подписывается в своей русофобии. Когда такого депутата поддерживают русские избиратели, не требуя его немедленного отзыва, они подписывают себе смертный приговор.

Убивать русских разрешено, потому что моральному осуждению в нашей стране подлежит, по установленным властью правилам, даже утверждение своей принадлежности к русскому народу. Если народ с этим согласен, он самоубийца. Тем же, кто с этим не согласен, остается быть русскими вопреки всему. Вопреки тому, что Карелия отказывается от самозащиты, вопреки самоубийственному непротивлению кавказским бандам, вопреки потерявшим совесть власти, милиции и депутатам.

Карельский беспредел

После Кондопоги Карелия стала предметом пристального внимания со стороны многих наблюдателей. Мои наблюдения выявили чудовищную русофобию в деятельности правоохранительных органов этой республики. Это подтверждается рядом сюжетов, в которых русские всегда оказываются страдающей стороной, а нерусские имеют странные привилегии. Этими сюжетами мне пришлось заниматься как депутату.

Первый сюжет связан с убийством в апреле 2006 года молодого русского парня азербайджанцем Акберовым Р.Л. Убийство произошло во время драки между гражданами Республики Азербайджан и местными жителями, возникшей после высказывания в адрес одного из скупщиков золота на Центральном рынке Петрозаводска. Скупщик предложил купить золото и часы. После словесной перепалки Акберов несколько раз ударил русского парня ножом. Позднее экспертиза установила, что смертельными были три удара. «Мясник» задержан по горячим следам не был (кто же его задержит, это же рынок! там ни одного милиционера быть не может!), и смог сбежать на Украину. Он был объявлен в международный розыск и в феврале 2007 задержан. После чего началась длинная история с его экстрадицией. Только в январе 2008 года Акберов был осужден на 10 лет, но своей вины не признал.

На суде адвокат подсудимого утверждал, что убитый являлся скинхедом, и конфликт имел место на национальной почве, но суд не счел эти заявления доказанными. Тем не менее, симптоматично, что в национальном конфликте адвокат уверенно видел преимущество для нерусского, пусть даже и убийцы. Если бы удалось доказать, что конфликт был на национальной почве, то это было бы в отношении нерусского смягчающим доказательством, а в отношении русского – отягощающим.

Об обстановке, царящей в Карелии, говорит тот факт, что на суде двое свидетелей выступали, скрывая лицо и через устройство, изменяющие голос. Одна из свидетельниц заявила, что на нее оказывал давление адвокат, и поэтому она первоначально отказалась опознать подсудимого.

В драке участвовало двое русских и несколько азербайджанцев. Но следствие и суд возложили всю вину только на убийцу. А какова роль в убийстве скупщика золота, фактически организовавшего драку? А остальных нападавших?

Такое впечатление, что никто бы и не пошевелился, чтобы найти преступника, если бы не депутатские запросы. Почему? Да потому что убитый русский парень был карельскими СМИ причислен к «фашистской организации». Откуда это стало известно? Единственный повод для подобных умозаключений – обнаружение на теле убитого татуировок с изображением «свастики» (по версии журналистов – «железного креста», на самом деле – просто креста с расширяющимися лучами), надписей «скинхед» (журналисты такой надписи не упоминают), «White power» (перевод карельской прокуратуры – «белая сила»; правильно – «белая власть»). Татуировки были нанесены в период службы в армии за год до смерти. Наверняка по глупости, под влиянием нездоровой армейской среды. Знать об этих татуировках могли только прокуроры и врачи, осматривавшие тело. Прокуратура республики объявила, что никаких сведений в СМИ не передавала. Получается, что они попали туда в неофициальном порядке, и это привело к посмертному оскорблению русского человека.

Никакой фашистской организации в Карелии никогда не было. Но властям ее нужно придумать. Прокуроры полагают оскорбление убитого русского человека делом допустимым и естественным, а право на опровержение оставляют исключительно за родственниками и наследниками. Представим себе убитую горем мать (единственный ближайший родственник), которой предлагают в суде доказывать, что ее зарезанный сын – не фашист. Любой, имеющий хотя бы зачатки нравственности, человек признает, что это непереносимая пытка. Но такова трактовка нашего законодательства со стороны карельской прокуратуры. Там нет даже зачатков нравственности. Это мой уверенный вывод по результатам дела.

Моральная тупость прокуроров явно сочетается с их профессиональной несостоятельностью. Они не определили тех, кто должен был задержать убийц, они не установили ответственности участников убийства – группы азербайджанцев, они допустили утечку в СМИ данных о татуировках убитого, а также распространение фантазий на эту тему. Они даже сами татуировки идентифицировали с ошибками. Тот факт, что эти же ошибки были повторены и в ответах Генеральной прокуратуры (за подписью заместитель Генпрокурора В.Я.Гриня), указывает, что верхушка прокурорской пирамиды обленилась и исследовать факты не была намерена, просто переписав данные из республиканской справки. Признаков морали не обнаруживалось и на этом уровне.

Второй сюжет – о парочке нерусских уголовников, братцах-кроликах, которые во всем положительны, кроме неизбежного стремления к убийствам.

Юный Радим Рамзанович Кюребеков в новогоднюю ночь 2004/2005 гг. нанес тяжкий телесный вред подвернувшемуся под руку гражданину. Расследование пришло к выводу, что в действиях негодяя есть признаки ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ – то есть, приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению и убийству. Позднее дело было переквалифицировано на ст. 111 - умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Кюребеков отделался условным сроком в 5 лет. Суд учел, что он ранее не судим и имел положительные характеристики по месту жительства и работы (интересно, кто их дал?), а также пошатнувшееся здоровье преступника, его полное признание вины и содействие следствию. Одним словом, милейший человек!

В марте 2007 к тем же следователям попало дело еще более юного Кюребекова Вадима Рамазановича - по признакам преступлений, предусмотренных ст. 213 (хулиганство), п. "д" ч. 2 ст. 111 УК РФ (умышленное нанесение тяжкого вреда из хулиганских побуждений), связанным с нанесением ножевых ранений четверем (первоначально прокуроры почему-то сообщали только три фамилии) русским парням.

Этот милый человек был настолько любезен, что самостоятельно явился в органы милиции, где и был задержан. Следственное управление при УВД Петрозаводска отказалось квалифицировать действия Кюребекова по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, а сам он был выпущен из-под стражи. Решение об изменении меры пресечения было поддержано Верховным Судом Республики Карелия. Любители резать ножами русских людей в Карелии почему-то пользуются особыми привилегиями.

Почему уголовника, нанесшего опасные для жизни ножевые ранения четверем людям, выпускают на свободу? Чтобы он еще кого-то зарезал? Нет! Он, оказывается, не опасен, ибо имеет постоянное место жительства, ранее к административной и уголовной ответственности не привлекался, «а одной лишь тяжести совершенного преступления недостаточно для такой меры пресечения как заключение под стражу» (так мне ответили на депутатский запрос). Тем более что от потерпевших, их представителей, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства жалоб об угрозах со стороны Кюребекова в следственные органы и органы прокуратуры не поступало.

Представим себе, что было бы с русским парнем, который вынул бы нож и порезал трех представителей любой иной национальности? Ужас! Он был бы определен как фашист, нацист, изувер. Бесспорно, ему был бы приписан мотив национальной ненависти. Обвинением в хулиганстве он бы точно не отделался. Для нерусского на подобный случай определены льготы. Следствие и кассации продлились до мая 2008 года.

Наверняка сказать, чем все это закончилось, трудно. Ясно лишь, что дело попытались переквалифицировать по более легким статьям и осудить младшего братца-кролика на условный срок. И еще. За 2010 год два братца-кролика фигурируют в карельских судебных документах. Первый – по поводу управления автомобилем, будучи лишенным прав. Второй – по делу об оскорблении (частный обвинитель предпочел отозвать иск). Мы видим, что два бандита продолжают разгуливать по Петрозаводску. Кто

за это ответит? Может быть, все-таки прокуроры, столь трепетно относящиеся к лицам, особенностью которых является привычка наносить гражданам ножевые ранения?

Третий сюжет – о русских, которые все в Карелии экстремисты. По крайней мере, в этом их подозревает местная власть, местная милиция и местная прокуратура.

11 марта 2007 в поселке Куйтежа Олонецкого района Республики Карелия милицией были схвачены тележурналисты Смирнов Б.В. и Корнеев В.С., выполнявшие задание Русского информационного центра по поводу получения данных о деятельности чеченской бандгруппы, совершившей накануне зверское убийство местного жителя (9 марта). Произволом местной милиции, прокуратуры и суда журналистов продержали под стражей неделю. Предлогом для противоправных действий было голословное утверждение о том, что журналисты произносили «фразы, направленные на возбуждение ненависти и вражды к выходцам с Северного Кавказа, агитировали местное население на митинг против лиц из Республики Чечня». Телевизионная камера и другое съемочное оборудование было изъято и приобщено к материалам дела как «орудие преступления». Тем самым была на несколько месяцев сорвана запланированная работа.

Инициатором возбуждения уголовного дела стал прокурор Олонецкого района Бибилов, поверивший в чушь, направленную ему из Олонецкого РОВД. Ужасное преступление совершили тележурналисты, потому как не только имели при себе специальную видеоаппаратуру, не только обращались к местным жителям с просьбой дать интервью и рассказать о недавнем убийстве местного жителя выходцем из Северного Кавказа, но при этом еще и (кошмар!) критиковали Президента РФ относительно национальной политики. По свидетельству некоей местной дуры, журналисты также «высказывали фразы направленные на...» и так далее. Оператор и вовсе стоял рядом и своим молчанием выражал согласие. За что и был арестован.

Прокурор - мелкая сошка. Спасая свое начальство, скрывающее факт убийства и боящееся гнева народного, быстренько состряпал постановление о возбуждении дела по «русской» статье. Этот Библов и вся свора лиц, замаскировавшихся под правоохранителей, вероятно, привыкли к бесконтрольности. На их территорию кто-то въехал без их ведома! В отделении милиции Библов орал на тележурналиста: «Что ты сюда приперся с высшим образованием?» Произвол прокурора поддерживали милиция и местный дура-депутат, придумавшая показания об экстремизме. В милиции восемь часов держали под замком людей, которые ничего противозаконного не совершили. Не давали позвонить домой. О правах задержанных сообщили: «Твои права около унитаза». Молодому оператору местный ублюдок в форме заявил: «У меня желание написать рапорт, снять форму и набить тебе физиономию».

Об обстановке в замшелой Кутейже говорит тот факт, что в воскресный день поселок «отдыхал после вчерашнего». Редкие прохожие боялись говорить перед камерой. Кругом - признаки социальной деградации. Зверосовхоз чиновники развалили. Работать негде. Журналисты успели поговорить лишь с двумя людьми, которые сообщили, что начальство все выгодные деланки по заготовке леса сдало чеченцам, а местных согнали на болота.

Коллективные и частные депутатские и общественные обращения в Генеральную прокуратуру, республиканскую прокуратуру, к районному прокурору не возымели действия. Вся подлая «вертикаль» насмерть стояла на страже собственного произвола. Прокурор республики О. Дупак (говорящие фамилии – это «марка» прокуратуры) и вовсе вступил со мной в пререкания по поводу принадлежности аппаратуры, изъятой у журналистов и о мотивах их посещения. Все что думал на этот счет Дупак, он считал верным без всякого обоснования, все, что считал я – сомнительным и подлежащим доказыванию. В голову прокурору не могла войти простая мысль о том, что журналисты могли ехать в Олонец по собственной воле, но также и по моей просьбе. Только полмысли помещалось в прокурорской голове: либо по собственной воле, либо по чьей-то воле. Что обе воли могли совпасть, ему было не втолковать.

Но деваться некуда, республиканская прокуратура обязана была исследовать вопрос о связи съёмочной группы с моим поручением выяснить ситуацию в Олонце и поселке Кутейжа. Следователь Ларькин, которым Карелия затыкала все дыры, связанные с выдумками всяких дур об экстремизме, прислал мне свои вопросы и получил на них подробные ответы. Мне пришлось разъяснить следователю, что его вопрос о членстве в той или иной политической партии является противозаконным. На данный вопрос Закон «О политических партиях» (п. 7 ст. 23) дает однозначный ответ: «Запрещается требовать от граждан РФ, чтобы они при предоставлении сведений о себе указывали членство в политической партии или отсутствие такового». Прокурорам этот запрет не введом. Как мне довелось узнать позднее, в Минюсте, Генпрокуратуре и судах это положение закона также находится в полном пренебрежении.

Отказался я также отвечать и на вопрос о мотивах своего предложения Борису Смирнову провести журналистское расследование. Эти бредовые вопросы не могли иметь отношения ни к какому расследованию, а лишь тянули время. Подобные мотивы – мое личное дело, которое следователя не касаются. Вопрос об условиях, на которых Б.Смирнов согласился направиться Куйтежа, я также счел частным делом наших отношений. Я лишь сообщил следствию, что данные условия не носят характера коммерческих.

Мне была задана еще куча дурацких вопросов, на которые я отвечал с издевкой. Например, мне пришлось объяснять, что видеокамера нужна для производства видеосъемок (следствие, вероятно, могло счесть ее дубиной народной войны), что багаж тележурналистов я не укладывал и о его составе ничего не знаю. Я пояснил, что многие вопросы мне представляются не просто противозаконными, но прямо изобличающими следствие в том, что оно стремится представить деятельность законопослушных граждан чуть ли не как всероссийский заговор.

Предложение пересказать мой разговор со Смирновым и Корнеевым после их возвращения из Карелии я отразил заявлением, что этот рассказ слишком красочен, чтобы я мог изложить его со своими скудными литературными способностями, не опасаясь искажений, которые могут склонить следствие к чудовищным заблуждениям.

Таким образом, устраивающие резню инородцы вполне могут быть порядочными людьми, их под стражу не берут. А русские тележурналисты заключаются под стражу «с учетом их личностей и тяжести содеянного». Что бы они ни сказали, все это подлежит психолого-лингвистической экспертизе, на период которой можно держать людей взаперти, неделями удерживать профессиональное оборудование и лишать возможности заниматься своей работой. Неделя за решеткой без предъявления обвинения! Каково!

Что вышло из всего этого сюжета? Открыт всероссийских заговор, пустивший корни в поселке Кутейжа? Журналисты оказались уголовниками-рецидивистами? Да ничего вообще! Дело закрыто за отсутствием состава преступления, имущество возвращено. Вместе с тем, сотрудники милиции и прокуратуры, творящие произвол в Карелии, остались при своих должностях.

Преступления правоохранителей были покрыты высшими должностными лицами Республики и Генпрокуратурой. Это важная политическая миссия, как там считают. своими преступлениями они «сбивают накал протеста», якобы, избавляя нас от других преступлений. А не пошли бы вы все отдохнуть, господа? Мы уж как-нибудь без вас бы управились бы с преступностью. И даже значительно быстрее, чем с вами. Точнее, если бы мы с вами управились, то и преступности никакой бы не было.

Борис Смирнов скончался через полтора года после описанных событий. Беззаконие и осознание собственного бессилия в борьбе против массового нарушения прав русских людей мучило его больше, чем физические страдания, причиненные ему безосновательным заключением.

В июне 2010 закончилась «катанандовщина» - ушел в отставку губернатор, много лет терзавший население Карелии. Катанандова очень попросили «сверху». После

Кондопожских событий Путин сильно нервничал, когда не смог дозвониться до главы Карелии. Но позволил ему просидеть на своем посту еще четыре года. Путину целый Петрозаводский горсовет написал о коррумпированности Катанандова. Но напрасно. Путин про своих губернаторов и не такое знал. Население хором, вне зависимости от своих взглядов на политику и прочие вопросы, ненавидело путинского ставленника. И только когда это население столь же единодушно стало ненавидеть Путина, он позволил сменить власть в Карелии.

Кондопога – символ русского сопротивления

Растущие, крепнущие и развивающиеся государственные организмы характеризуются тем, что в них нации пестуются властью и пробуждают в отношении государственных институтов свободную лояльность граждан. Бюрократический произвол убивает нацию, суть которой – «повседневный плебисцит» о доверии к власти. И тогда нация рождается без власти и против власти, которая бросила народ на произвол судьбы. Именно так и происходит в России.

Кондопога – не частный инцидент или ставшее обычным «столкновение на межнациональной почве». Это явление, отразившее процесс, который активно идет по всей стране. Не впервые кавказский бандитизм терроризирует русский город, не впервые власть равнодушно смотрит на разгул преступности и захват кавказцами наиболее выгодных секторов местного хозяйства, не впервые русские выходят на площадь против бандитов и недееспособной власти. События Кондопоге были лишь продолжением и развитием аналогичных ситуаций, которые наблюдались в Сыктывкаре, Сальске, в других русских городах. Во всех случаях стихийные выступления граждан были связаны с бездействием властей или с пособничеством властей преступным группировкам, созданным по этническому принципу.

События в небольшом карельском городе отразили общественные настроения, вызревшие в течение нескольких лет: русское сопротивление неожиданно для многих оказалось массовым, оказалось стойким и долговременным фактором социальной динамики. Но русские патриоты давно ждали от русской массы выступления в защиту жизни, чести и достоинства русского народа.

Надо сказать, русские «долго запрягали» и дали своим врагам проникнуть во все сферы русской жизни – во власть, в бизнес, в правоохранительные органы. Чеченский мятеж не был подавлен, и метастазы этого мятежа распространились по всей стране в виде преступности, которая сращивается с коррумпированным чиновничеством, образуя этническую мафию. Города и веси центральной России (не говоря уже о периферии) терроризируются группировками кавказцев, которые чувствуют полную безнаказанность при попустительстве местных властей.

Всюду по стране власть показала: она исходит не от народа, она нерусская и даже антирусская. Иначе невозможно объяснить подавление всего, что является выражением русского духа и русского исторического наследия – не только в СМИ, но и в политике государственного строительства. Действительно, Чечня снова оказалась бандитской республикой, где насильники, грабители и убийцы находят пристанище и защиту от преследования. Национальные республики остаются вотчинами этнических номенклатур, где для них не действуют российские законы, а над русскими можно издеваться, заставляя их платить этнократам «административную ренту», насильно обучая русских детей туземному языку. Антирусский характер власти так же ярко высвечивается в миграционной политике – внутри страны идет захват коренных русских земель выходцами с Кавказа и мигрантами из Азии, захват наиболее доходных предприятий – этническими кланами. Русским соотечественникам закрыт путь к статусу гражданина, а иноплеменному потоку «гастарбайтеров» границы нашей страны открыты настежь.

В Кондопоге сход граждан с требованием «выгнать черноту из города» был ответом на невероятно жестокую резню, которую устроили выходцы с Кавказа. Их

зверство – прямое продолжение того, что проявилось в Чечне в первой половине 90-х годов прошлого века. Показания свидетелей, выживших в условиях массового геноцида против нечеченского населения, леденят кровь в жилах. Язык не поворачивается их пересказывать. Но вся эта информация осталась на периферии общественного сознания – как и судьба десятков тысяч русских, вырезанных чеченцами, сотен тысяч русских, изгнанных из Чечни, с Северного Кавказа, из бывших союзных республик.

«Дружба народов» существовала в нашей стране только для русских. Все остальные народы, надо признаться, дружить не собирались. Напротив, в них вызревали силы этнической солидарности, которой теперь так не хватает русским. Наглость бандитов опирается именно на такого рода солидарность, и дает им решающее преимущество в сравнении с русскими. Не случайно фактический правитель Чечни Рамзан Кадыров пообещал помощь представителям чеченской диаспоры Кондопоги, считающих действия милиции по подавлению протеста граждан недостаточными и слишком мягкими. Кадыров сделал по этому поводу заявление, упоминавшее о последовательной приверженности чеченцев общечеловеческим ценностям, а выступления граждан против этнической мафии назвал «националистической заразой» и «ксенофобией». Он также пообещал найти свои методы, «способные привести ситуацию в правовое русло». Вероятно, это означает, что Кадыров намерен прислать в Кондопогу боевиков, получивших «общечеловеческий» опыт расправ над мирным населением в период их участия в мятеже против России. Делегацию членов чеченского парламента из Карелии отправили восвояси, но не было никаких сомнений, что бандиты будут мстить русским с невероятной жестокостью – как это было в Буденновске, в «Норд-Осте», в Беслане. Дело не в Кондопоге. Они мстят русским за все русское, что попадает им на глаза.

Власть, изъеденная коррупцией и некомпетентностью, не может остановить волну бандитизма. Именно поэтому поднимается волна русского общественного протеста. И главной задачей лидеров русского движения является не новый «общественный договор» с властью, а полномасштабная кадровая чистка – удаление из власти тех, кто отказывает русскому большинству в защите его интересов. Прежде всего, это касается милиции, прокуратуры и судов. Здесь попрание закона и здравого смысла носит характер эпидемии, поразившей самый важный орган национального организма. Руководство МВД, на котором лежит обязанность также и по формированию миграционной политики, некомпетентно, это очевидно. Инфраструктура милиции разложилась и переплелась с преступными элементами. В Кондопоге милиция предпочла лицезреть картину резни со стороны, отказала в помощи раненым, а на массовый протест граждан ответила массовыми избиениями и арестами невинных и непричастных.

Русские больше не могут считать нынешних представителей власти представителями их интересов. Выборами, фальсифицирующими волю народа, власть перестроена быть не может. Поэтому русским нечего делать на выборах, организованных шулерами. Русским требуется собственная организация, собственная солидарность, которые возродят русскую нацию, а вместе с ней и русское государство – Россию.

Жителям Кондопоги и других русских городов, всем гражданам необходимо самоорганизоваться для сопротивления коррумпированной власти и этнической мафии – прежде всего, путем формирования собственной власти, способной это сопротивление вести законными методами и средствами государственного насилия. Те, кто действует против интересов коренного населения, должен быть изгнан со всех постов. Понимая эмоции, которые побуждают мстить бандитам, следует понимать также, что свои интересы можно надежно защитить только долговременными мерами – когда власть будет действовать в интересах народа, защищать граждан, вовремя предупреждать конфликтные ситуации. Эмоции приходят и уходят, а власть и закон действуют постоянно. От борьбы за свои права русским надо переходить к борьбе за власть. Воля к власти сегодня – это воля к жизни.

Укрепление русской солидарности будет происходить на фоне разрушения власти, которая уже разложилась морально и распадается физически. Коррумпированная верхушка предпочитает строить фиктивное общество на либеральной догме и отказывается проводить какие-либо реформы в пользу русского большинства. Она старательно пилит сук, на котором сидит. И чем быстрее она вместе с этим суком упадет, тем быстрее нормализуется наша жизнь, тем быстрее Россия получит реальные перспективы развития.

[К содержанию](#)

Антифашизм душевнобольной власти

Антифашистская истерия – один из признаков нашего времени. Считается, что в России действует чуть ли не разветвленная сеть фашистского подполья. Спецслужбы вместо поиска шпионов, изменников и террористов охотятся на патриотов, а органы прокуратуры лихо возбуждают против них уголовные дела. Помимо широко известной истории с полковником Квачковым, якобы участвовавшим в покушении на А. Чубайса, ради доказательства «экстремизма» русского общественного движения были инспирированы и другие подобные дела.

12 июня 2005 года произошел подрыв полотна железной дороги на перегоне Узуново-Богатищево Московско-Павелецкого отделения Московской железной дороги. В результате пять вагонов пассажирского поезда Грозный-Москва сошли с железнодорожного пути. Человеческих жертв и существенных травм данное событие не повлекло. По факту подрыва железнодорожного полотна прокуратурой Московской области было возбуждено уголовное дело № 101875 по признакам состава преступлений, предусмотренных ст.ст. 105 (умышленное убийство) и 205 (терроризм) УК РФ. Тут же возникшие фантастические домыслы заполнили страницы газет. Среди этих домыслов – шельмование лиц, которых прокуратура решила превратить в «козлов отпущения».

Практически сразу же вслед за данным событием сотрудники прокуратуры расценили его как террористический акт. Без проведения каких-либо следственных действий были арестованы подозреваемые, а в СМИ была распространена информация о том, что именно эти люди и устроили подрыв полотна с террористическими целями и покушались на убийство. Таким образом, произошли существенные нарушения законности как со стороны должностных лиц прокуратуры Московской области, так и со стороны журналистов, воспользовавшихся информацией прокуроров. Публикации в прессе содержали ссылки на источники в Московской областной прокуратуре, что являлось очевидным и прямым нарушением её сотрудниками уголовно-процессуальных норм, предписывающих соблюдать тайну следствия.

На следующий день после инцидента, когда еще только могли отрабатываться различные версии происшествия, «Эхо Москвы» и «Полит.ру», сообщили, что следствие уже определило три версии,

изучая «возможности причастности к взрыву террористических группировок исламского толка, националистических кавказских группировок, а также – членов экстремистских организаций профашистского толка»,

при этом «спецслужбы не исключают, что диверсантами могут быть участники групп, за которыми числятся теракты последних двух лет в электричках, на остановках общественного транспорта, и в Подмоскovie – на магистральном газопроводе и на линии электропередач. ФСБ также проверяет на причастность к взрыву леворадикальные и патриотические движения. В связи с этим особый интерес представляет информация, полученная Интерфаксом от взрывотехников, близких к расследованию: бомба, которую использовали террористы при попытке взрыва поезда Грозный-Москва, напоминает ту, что использовалась при покушении на главу РАО ЕЭС Анатолия Чубайса».

Газета «Известия» в номере от 4.07.05 сообщила, ссылаясь на старшего помощника прокурора Московской области Е. Рассохину, что

«во время обысков на квартирах подозреваемых Власова и Клевачёва было изъято три килограмма аммиачной селитры, один килограмм алюминиевой пудры, три метра огнепроводного шнура и химические препараты. Помимо этого, в квартире Клевачёва следователи нашли пиротехническую шапку и 11 патронов калибра 7,62 миллиметра. Было также изъято немало книг, которые в прокуратуре охарактеризовали как националистическую литературу экстремистского характера. Пресс-служба прокуратуры Мособласти сообщила, что оба подозреваемых входят в организацию «Русское национальное единство».

РИА «Новости» опубликовало материал политобозревателя Юрия Филиппова, в котором говорилось:

«Как сообщила прокуратура Московской области, оба арестованных по подозрению в теракте – Владимир Власов и Михаил Клевачёв – являются членами запрещенной радикальной националистической организации «Русское национальное единство» (РНЕ), которая в России считается откровенно фашистской».

Эта статья в дальнейшем была воспроизведена во многих СМИ, превратив подозрения следствия в информационную кампанию.

В номере от 7.07.2005 газеты «Московский комсомолец» утверждалось, что, *«по словам оперативников, и бомба на рельсах и покушение на Чубайса — операции некоего “национал-патриотического подполья”, созданного бывшими добровольцами и наемниками. И, возможно, громкие дела — о “русских террористах”, взорвавших поезд Грозный-Москва, и о полковнике ГРУ Квачкове — будут объединены».*

В печатных, радиальных и сетевых СМИ, придерживающихся радикальных либеральных взглядов, таких, как Известия, «Эхо Москвы», «Московский комсомолец», Грани.ру и т.п., неоднократно подчеркивалось, что происшедшее 12 июня 2005 года является именно террористическим актом, что его совершили русские, что это вылазка подпольной группы русских националистов (РИА-Новости), «русских моджахедов», «русских шахидов» (Правда.ру, 20.07), что его совершили «национал-экстремисты» (сайт «Права человека в России», 5.07.05)

Издание «Полит.ру» 14.07.05 г. сообщило, что *«следователи отрабатывают две версии случившегося: теракт, приуроченный к Дню России чеченскими диверсантами, и акция против чеченцев, которую могли совершить ветераны чеченских кампаний или представители левацких молодежных организаций. Обе эти версии основными не являются. Специалисты установили, что взрывное устройство было изготовлено из подручных материалов, которые можно купить в любом хозяйственном магазине. А чеченские боевики используют в основном устройства с довольно сложными электронными схемами и часовыми механизмами. А по словам советника президента РФ Асламбека Аслаханова, этот теракт нужен не выходцам с Кавказа, а фашиствующим организациям, которые ненавидят кавказцев».*

Лишь единичные СМИ использовали в отношении граждан Российской Федерации В.С. Власова и М.М. Клевачёва, арестованных в связи с расследованием этого инцидента, корректные и соответствующие закону термины «подозреваемые» либо «обвиняемые». Абсолютное большинство материалов и в заголовках, и в самих текстах содержали

безапелляционно-негативные политические, уголовно-правовые и морально-нравственные характеристики, именуя их «диверсантами» и «виновными в террористическом акте».

Газета «Коммерсант», к примеру, писала:

«Задержанные действительно одержимы ультранационалистическими идеями, – заявил один из оперативников. – Но оба они, как мне показалось, – не идейные националисты, а скорее обиженные на весь белый свет люди с травмированной психикой. Ни в одну серьезную организацию таких не примут и уж тем более не доверят им акцию вроде подрыва поезда. Скорее всего, они действовали на свой страх и риск».

На сайте MIGnews.com 22.07.05 опубликован материал Ирины Петровой, в котором утверждается, что Власов и Клевачев «известны своими крайне националистическими взглядами и ненавистью к выходцам с Кавказа».

Очевидная дискредитация Власова и Клевачёва содержалась, в частности, в материалах «Московского комсомольца». Так, в номере от 9.07.05 г. опубликована статья Олега Фочкина «Добровольцы без “крыши”», в которой они названы людьми «с изломанной судьбой и нестабильной психикой» и где, со ссылкой на некоего офицера спецслужб, утверждалось, что «сейчас ОРУ (оперативно-розыскное управление ФСБ) будет делать все, чтобы представить теракт не весенним обострением двух идиотов, а делом рук целой организации». В «Коммерсанте» и «Полит.ру» от 21.07.05 в отношении одного из обвиняемых утверждалось, что он болен эпилепсией.

СМИ смаковали несуществующие подробности и распространяли клеветнические домыслы, не имеющие ничего общего с фактами. Так, «Комсомольская правда» в номере от 22.07.05 г. под заголовком «Террористы, взорвавшие поезд, – антисемиты?», сообщила, что Власова и Клевачёва, которых газета именует «подрывниками поезда Грозный – Москва», «заподозрили в совершении еще одного громкого теракта» – установке мины-ловушки и «плаката с антисемитской надписью» на 32-м километре Киевского шоссе в мае 2002 года, и тут же – что «это не соответствует действительности», так как в Московской облпрокуратуре «просто было возобновлено следствие по старому делу, и подозреваемые проверяются на причастность».

Пропагандистская волна демонстрировала соучастие в огульных обвинениях сотрудников прокуратуры и спецслужб, которые через СМИ оказывали давление как на следствие и свидетелей, так и на русские общественные организации, каждая из которых в обстановке истерии могла быть обвинена в соучастии в террористических актах.

Как иначе оценивать применение неспровоцированного и грубого насилия в отношении гражданина РФ Кассина Ю.М. при его задержании, причем совершенного на улице в тот момент, когда он сопровождал свою беременную жену для посещения женской консультации? При аресте Власова и Клевачёва без каких-либо на то оснований дочь Власова была задержана в отделении милиции на 10 часов, а его жена – чуть ли не на сутки.

Следователь прокуратуры Московской области, который вел предварительное следствие, на протяжении восьми или девяти дней не допускал к защите нанятых подозреваемыми адвокатов, используя в этом качестве на протяжении 11 суток следствия адвокатов по назначению, которые были знакомы этому следователю по предыдущему совместному месту службы в г. Люберцы. Характер ведения следствия был настолько бесчеловечен, груб и содержал элементы издевательства и унижения человеческого достоинства, что один из арестованных дважды совершал попытку самоубийства.

В постановлениях Мещанского районного суда г. Москвы от 1 июля 2005 года об избрании в отношении Власова и Клевачёва меры пресечения в виде заключения под стражу, написанных словно под копирку, не указывается ни одного существенного факта, который бы свидетельствовал о наличии у следствия достаточных оснований, чтобы ходатайствовать перед судом о столь суровом превентивном решении, за исключением

того, что прокуратура 12 июня 2005 года возбудила уголовное дело «по признакам преступления», 30 июня в качестве подозреваемых Власов и Клевачёв были задержаны, а 1 июля в суд поступило ходатайство, согласованное с заместителем областного прокурора.

Почему же надо было держать обвиняемых под арестом до суда? Лишь потому - значит в этом решении, - что обвиняемые подозреваются в особо тяжких преступлениях, что на свободе они могут скрыться от следствия, что они могут продолжить заниматься преступной деятельностью, что они могут угрожать участникам судопроизводства, что они могут препятствовать расследованию. Но на таких смехотворных и совершенно голословных основаниях можно заключать под стражу всех подозреваемых и обвиняемых без исключения! Мещанский суд, принимая решение о заключении под стражу Власова и Клевачёва, не получил от следствия ни одного материального доказательства выдвинутых против подозреваемых обвинений!

Выводы предварительного следствия с самого начала приобрели нарочито обвинительный уклон и содержали вздорные предположения, направленные на шельмование подозреваемых.

В постановлениях о «привлечении в качестве обвиняемых» по статьям 105, 205, 222 и 223 УК РФ, датированных 20 июля 2005 года, утверждалось, что «в деле собрано достаточно доказательств для предъявления обвинения», что мотивами действий, в которых обвиняются арестованные, являются их «радикальные националистические взгляды», «национальная и религиозная ненависть и вражда к представителям нерусского населения Российской Федерации», и, будто бы, следствие располагает доказательствами того, что Власов и Клевачёв «вступили в преступный сговор с целью совершения террористического акта, направленного на нарушение общественной безопасности и устрашения населения Российской Федерации неславянского происхождения, а также убийства двух и более лиц путём подрыва поезда сообщения Грозный-Москва. При этом документ наполнен такими замечательными уточнениями, как «в неустановленное следствием время», «в неустановленном месте», «у неустановленных лиц».

Особенное примечательно стремление следствия представить железнодорожное происшествие 12 июля 2005 года, детали которого выглядят весьма сомнительными, террористическим актом. В этом стремлении прослеживалось намерение выставить в качестве обвиняемых лиц, которые по своим объективным характеристикам менее всего способны выступать в качестве инициаторов, организаторов, исполнителей и вообще соучастников такого преступления; с помощью СМИ создать в общественном мнении страны негативное впечатление об обвиняемых; придать всему этому делу политический характер, посадив на скамью подсудимых в лице Власова и Клевачёва русский национализм, отождествляя его с экстремизмом профашистского толка и вообще «шовинистскими профашистскими силами» (на что намекал в интервью немецкому журналу Spiegel замглавы президентской администрации Владислав Сурков).

Таким образом, можно сделать вывод, что под видом расследования железнодорожного инцидента в следственных органах или под их прикрытием фабриковалась политическая провокация. Её целью могло быть создание повода для возбуждения этнической ненависти к русскому населению со стороны неславянского населения России, чеченцев в особенности, и провоцирование СМИ, «придерживающихся» (воспользуемся лексикой следователя Жуланова) радикальных либеральных и космополитических взглядов. А также для инспирирования пропагандистской компании против их политических противников, «придерживающихся», в свою очередь, национально-патриотических взглядов, и для оправдания преследования национально-патриотических партий и организаций России со стороны органов исполнительной власти под предлогом их, якобы, причастности к «террористической деятельности».

Все эти обстоятельства настолько серьёзны, что побудили меня изложить их в депутатском запросе Генеральному прокурору РФ В.В.Устинову с требованием ответить на ряд вопросов:

1. На каком основании следствие «с порога» отвергло все возможные версии происшествия 12 июня 2005 года, кроме его характеристики как террористического акта? В частности, почему не изучалась вероятность либо имитации террористического акта, на что указываю сообщенные прессой данные о таких важных обстоятельствах происшествия, какими являются его объект и объективная сторона, либо провокации?

2. Проводилась ли органами Генеральной прокуратуры проверка в связи с многочисленными утечками информации по данному делу в средства массовой информации и публикациями в последних данных, относящихся к тайне следствия? Если не проводилась, то почему; если же проводилась, то каковы были ее результаты и какие меры воздействия были приняты в отношении должностных лиц, допустивших нарушение уголовно-процессуального закона?

3. Проводилась ли надлежащая проверка в отношении наличия признаков уголовно-наказуемого деяния в публичном заявлении советника президента РФ Асламбека Аслаханова о том, что «этот теракт нужен не выходцам с Кавказа, а фашиствующим организациям, которые ненавидят кавказцев», поскольку мотивом данного высказывания может быть попытка давления на следствие, а его смысл - по-видимому - направлен на разжигание межнациональной вражды «выходцев с Кавказа» к другим жителям России?

4. Имела ли место прямая или косвенная деятельность органов и служб, осуществлявших оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность по данному делу, а также иных, имеющих отношение к этому органов, по публикации в СМИ сразу же вслед за происшествием 12 июня 2005 года «заказных» материалов обвинительной направленности, изображающее его как террористический акт, совершенный подпольной группой русских националистов, «русскими моджахедами», «русскими шахидами» и вообще русскими «национал-экстремистами»?

5. На каком основании органы, осуществляющие оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность, собирают и предъявляют в качестве доказательства мотивов или поводов для обвинения в совершении преступления данные о политических, религиозных и иных мнениях и убеждениях подозреваемых или обвиняемых, что, надо полагать, не может иметь место, поскольку ст. 19 Конституции РФ установила равенство перед законом и судом независимо от убеждений, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии, ст. 28 гарантировала каждому свободу вероисповедания и свободу выбирать, иметь и распространять убеждения и действовать в соответствии с ними, ст. 29 запретила кому бы то ни было принуждать к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них, что распространяется и на правомочия следственных органов?

6. Почему органы прокуратуры не предприняли надлежащих мер по защите чести и достоинства Власова и Клевачёва, не пресекли клеветническую деятельность СМИ, публиковавших многочисленные материалы, в которых голословно утверждалось, что они виновны в совершении террористического акта, что они являются членами запрещенной радикальной националистической организации, которая в России считается откровенно фашистской, что они известны своими крайне националистическими взглядами и ненавистью к выходцам с Кавказа, и тому подобные оскорбительные измышления?

7. Какие именно неопровержимые доказательства виновности обвиняемых Власова и Клевачёва были собраны в результате следствия по состоянию на 20

июля 2005 года, что послужило юридическим основанием для вынесения следователем постановления об их привлечении в качестве обвиняемых?

У меня были все основания полагать, что ситуация вскрыла существование если не заговора, то замысла неких весьма влиятельных сил, намеренных серьезным образом дестабилизировать ситуацию в России, подготовив почву для политических репрессий и чрезвычайщины. Как показали дальнейшие события, эти предположения не были лишены оснований, поскольку власть решала «проблему 2008» (сохранение властной группировки после ухода с поста президента В.В.Путина) именно средствами политических провокаций, создания информационной истерии и огульных обвинений в экстремизме, прежде всего, участников русских общественных и политических организаций. Органы прокуратуры и СМИ становились инструментом этого замысла.

Мое обращение Генпрокурору имело целью не только защитить права двух подозреваемых, которым навязывалась совершенно невозможная для них роль – в силу их психического и физического состояния. За всеми событиями и сообщениями достаточно очевидно просматривалась определенная спецоперация (типа поджога Рейхстага), которая, помимо всего прочего, вынуждала иных работников прокуратуры идти на должностные преступления.

Ответ мне прислал Заместитель Генерального прокурора А.Г. Звягинцев. Содержание ответа подтверждало мое предложение: органы прокуратуры соучаствовали в создании информационной истерии и имели прямое политическое задание, представить дело как результат деятельности широкой сети экстремистских организаций.

Мне было сообщено, что по поводу публикации в газете «Московский комсомолец» статьи журналиста Речкалова В.В. «Абонент временно арестован» прокуратурой области проведена проверка, в ходе которой Речкалов объяснил, что сведения о ходе следствия, изложенные в статье, он получил от человека, представившегося сотрудником Московской областной прокуратуры. Документы у него он не проверял, и где на самом деле работает этот человек, ему неизвестно. Информация о методах установления преступников по звонкам мобильных телефонов и способах закладки фугасов является общедоступной, поэтому он и опубликовал её. Очевидность лжи журналиста не смутила проверяющих.

Также совершенно спокойно Генпрокуратура отнеслась к полной публикации всех деталей следствия в СМИ: «Причастности работников органов прокуратуры к опубликованию в периодических печатных изданиях вышеназванных сведений не установлено». Как эти сведения попали в распоряжение журналистов, Генпрокуратура устанавливать не собиралась.

Фактов издевательств над подозреваемыми, унижения их человеческого достоинства, а также насилия к задержанным и их родственникам Генпрокуратура не выявила, жалоб не поступало, допросы длились не более 8 часов, что соответствует требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, постановления Мещанского районного суда г. Москвы о заключении под стражу проверены в кассационной инстанции и оставлены без изменения, привлечение к уголовной ответственности основано на совокупности объективных доказательств, полученных в ходе следствия... В дополнение к равнодушным строкам мне было сообщено, что по делу назначено 55 различных экспертиз по исследованию предметов, обнаруженных на месте происшествия и по месту проживания Клевачёва и Власова. К чему такое напряжение сил, если следствию с самого начала уже все было ясно? К тому, что исходная посылка о причастности их к преступлению была ложью, и о том, что это ложь прокуроры и следователи знали.

Никаких политических аспектов ответ из Генпрокуратуры не затронул вовсе. Это было обычно: с прокурором разговор обычно как с глухим. Он не слышит вопросов и отвечает на те, которые роятся в его собственном мозгу.

В надежде на более высокий уровень вменяемости я обратился к директору ФСБ, предполагая соучастие сотрудников этой службы в организации информационной истерии. Я указал на возможность инсценировки террористического акта, либо специально подготовленной и осуществленной провокации особо тяжкого преступления с далеко идущими политическими последствиями. Объективные данные указывали на имитацию теракта. К примеру, подрыв полотна железной дороги произошел не под поездом, а перед локомотивом. Кроме того, на участке Узуново–Богатицево поезда едут очень медленно, со скоростью 10-15 км/ч. Таким образом, при наличии некоторых формальных признаков диверсионно-террористического акта вполне можно было предположить и его имитацию. Что касается сообщений СМИ, то они, как правило, публиковали одну и ту же информацию относительно инцидента, что могло свидетельствовать о сговоре с целью формирования общественного мнения, когда у следствия ещё не было никаких оснований для того, чтобы оно могло предоставлять объективные данные о преступлении. СМИ, ссылаясь на источники в Московской областной прокуратуре и на специалистов следственной бригады сразу же после происшествия и затем на протяжении нескольких недель интерпретировали его как террористический акт, совершенной «экстремистской организацией профашистского толка» «подпольной группой русских националистов», «русскими моджахедами», «русскими шахидами», русскими «национал-экстремистами». У следствия на этот счет не было никаких доказательств, но со стороны правоохранительных органов не последовало никаких пояснений, уточнений или опровержений. Напротив, травля обвиняемых была, по видимости, выгодна следствию, которое компенсировало недостаток объективных данных опорой на мнение, созданное путем распространения клеветнических измышлений. Из мирового опыта, да и опыта самой России, хорошо известно, как можно использовать подобные операции для дискредитации политических противников и для фабрикация уголовных дел на пустом месте, для запрещения деятельности и отстранения от участия в выборах конкурирующих политических организаций.

Характерно, что в качестве мотива для оценки события обвинение всерьез использовало не улики, а домыслы, не факты, а взгляды, которых якобы придерживаются Власов и Клевачёв, и их убеждения, называемые в документах следствия «радикально националистическими». Выражаются эти взгляды, якобы, в том, что обвиняемые «испытывают национальную и религиозную ненависть и вражду к представителям нерусского населения», что и послужило для них основанием совершить данное преступление, поскольку в поезде, который они имели целью взорвать, «следует большое количество пассажиров не славянского происхождения». Юридическое беззаконие подобных формулировок, противоречащих как минимум трём статьям Конституции – 19, 28 и 29, настолько очевидны, что это не нуждается в разъяснении. Вот почему подобные «доказательства» не могут не вызвать предположения, что здесь имеет место фабрикация лживых, беспочвенных обвинений с далеко идущими целями.

Вопреки явному несоответствию личностей Власова и Клевачёва вменяемым им умышленным преступным деяниям, к которым они, скорее всего, не имеют никакого отношения, следствие упорно сосредотачивалось на выбивании из них признательных показаний. При этом никакие сомнения, которые должны толковаться в пользу обвиняемых, не принимались во внимание. Бесчеловечные формы психической обработки обвиняемых особенно тяжело сказались на здоровье М. Клевачёва, который участвовал добровольцем в югославской войне на стороне сербов, когда последние подверглись агрессии, и получил тяжелое проникающее ранение в голову на поле боя.

В ответ на мой запрос руководитель некоей «службы» ФСБ сообщил, что «какими-либо данными о тенденциозной направленности в отношении хода расследования преступления не располагает. Вместе с тем, предоставленная информация принята к сведению и будет учтена при организации оперативно-розыскной деятельности». Не имею представления, зачем нужна эта служба – вся ФСБ целиком. За все время депутатской

деятельности ни одного намека на то, что она вообще зачем-то нужна государству, у меня не возникло. Как говорится, «никакой пользы, кроме вреда».

Истерические всплески в СМИ - признак опасной болезни государства. Эта власть не может жить без истерики. Очередной истерикой, пришедшейся на период следствия по делу Власова-Клевачёва, стало преследование партии «Родина» осенью 2005 года. Сначала за вполне невинный ролик против нелегальных иммигрантов с призывом «Очистим город от мусора», а затем - за вообще не имеющее отношение к «Родине» событие, когда молодой человек Александр Копцев в смутном состоянии в синагоге нанес несколько неопасных для жизни порезов группе находящихся там людей. Истерика дошла до фабрикации некоего «Антифашистского пакта», который вслед за правительственной партией «Единая Россия» подписали ее сателлиты, включая Жириновского. «Родина», безглаголиво уклонившаяся от этой мерзости, оказалась под огнем огульных обвинений.

Информационная истерика с лета 2005 года была явно затеяна ради того, чтобы обвинить последнюю оппозиционную партию в антисемитизме и фашизме. Что и сделали психопаты в средствах массовой информации, науськанные из кремлевских коридоров и поддержанные деятельностью следственных органов. Для истерики было использовано и дело Власова-Клевачева.

Дело в суде превратилось в фарс, над которым смеялись даже не очень веселые присяжные заседатели. Большинство «свидетелей» со стороны обвинения никак не могли подтвердить свои показания, путались в своем вранье. Ощущался явный заказ властей: посадить обвиняемых за решетку, ублажив нервных чеченцев, которых во власти после присвоения Рамзану Кадырову звания Героя России (декабрь 2004) не защищал только ленивый.

Образцом чудовищной профанации является обвинительное заключение. Это поток слов на сотнях листов напоминает бред сумасшедшего, утратившего связь с реальностью и погрязшего в словесном мусоре.

Подсудимым в порядке вменения мотива преступления было навязано определение «придерживающийся националистических взглядов». Старший следователь отдела по расследованию особо важных дел, убийств и бандитизма прокуратуры Московской области юрист 2 класса Е.В.Кречетова, вероятно, не была знакома с понятием «национализм», применяемым в русской и европейской политической теории. Мало того, говоря о взглядах, обвинительное заключение вторгло в область политических убеждений, которая никак не может быть связана с мотивами уголовного преступления.

Мне многократно приходилось сталкиваться с применением советского понимания термина «национализм», которое не выдерживает никакой критики, поскольку не отличает национализм от шовинизма, расизма и фашизма. Все оказывается сваленным в кучу без разбора. В то же время традиция русской философии оказывается в определении национализма ближе всего к европейскому пониманию.

В Оксфордском словаре дается также определение: «Nationalism – 1. Patriotic feelings, efforts, principles; 2. movement for political (economic, etc) independence (in a country controlled by another)». То есть, национализм – это патриотические чувства, действия (усилия) и принципы. Или же движение за политическую, экономическую и т.д. независимость от внешнего контроля со стороны других государств. В Британской энциклопедии под национализмом понимается идеология, исходящая из приоритета национального государства над иными индивидуальными и групповыми видами лояльности. В целом национализм в общемировом и традиционно-русском понимании есть рационально осмысленный (доведенный до принципов и деятельности) политический выбор в пользу интересов собственного государства и народа в их исторически сложившемся своеобразии. Ничего порочного в национализме нет. Приписывание «националистическим взглядам» некоей порочности является проявлением невежества и догматической приверженности стародавним советским словарям. Потрепанный словарь в руках невежественного и бесстыдного прокурора превращаются в пыточную машину для

русских патриотов и инструмент разорения правоохранительной системы, которая перестает опираться на справедливость.

Второй момент обвинительного заключения, изобличающий невежество и бессовестность следователей, - постоянный рефрен о мотиве преступления: «по мотиву национальной, расовой ненависти и вражды», «по мотиву расовой и национальной ненависти и вражды», «в связи с испытываемой ими расовой ненавистью к лицам неславянской национальности», «с целью устрашения населения неславянской национальности»... Все доказательства этих нелепых обвинений, повторенных десятки раз в многостраничном документе, основаны на списках изъятой литературы, содержание которой не оценивалось и отношения к воззрениям подсудимых не устанавливалось.

Следователи явно были не в курсе, что такое «раса» и «расизм». Им не дано было понять, что чеченцы не составляют обособленной расы и возбуждение расовой ненависти к ним – дело в России совершенно нелепое. В особенности по той причине, что расовое различие на быденном уровне может осознаваться только по отношению к макрорасам, а разделение на расовые группы – никогда. В отношении чеченцев (преимущественный состав пассажиров поезда) может возникать только национальная вражда, но никак не расовая. Не говоря уже о том, что никакой «неславянской национальности» не существует. Единственное число в данном случае – свидетельство глубокого невежества. Следствие следовало политическому штампу, испещряя документы безграмотными пассажирами и всякого рода чушью.

Как можно оценить вот такие высказывания в документе, который решал судьбу людей:

«...высказывал националистические взгляды, что стало в Москве тяжело жить, говорил, что человек, который родился в Москве, ничего не имеет, а черные ездят на дорогих машинах...»,

«Их не устраивает существующее бедственное положение России. Клевачев говорил о том, что необходимо действовать, защищать славянство, в том числе в Югославии...»,

«...какое-то время увлекался русской идеей».

«...открыто выражал неприязнь к «черным», то есть к лицам кавказской или азиатской национальности»,

«...затрагивал тему своей ненависти к евреям и лицам кавказской национальности. Говорил, что хотел бы совершить какой-нибудь поступок с целью физической расправы над выходцами из кавказских народностей, но не знал места, времени, способа совершения этого поступка»,

«...любит читать такие издания, как “Черный сотник”, “Русский дом”, так же у него имеются множество листовок, пропагандирующих “русскую идею”».

Полная алогичность обвинения демонстрируется тем, что в одном месте записано, что «взрывные устройства из перечисленных частей не были изготовлены Власовым В.С. и Клевачевым М.М. полностью по независящим от них обстоятельствам, поскольку 30.06.05 они были задержаны правоохранительными органами», в другом – «действуя организованной группой, с целью совершения терроризма, убийства двух и более лиц общеопасным способом, по мотиву национальной, расовой ненависти и вражды, изготовили несколько видов взрывных устройств». Потом оказывается, что устройство присутствовало в единственном числе – «в неустановленном месте незаконно изготовлено самодельное взрывное устройство замедленного действия с огневым способом взрывания... которое они в указанный период незаконно перевезли из неустановленного места в квартиру, принадлежащую Власову В.С., где незаконно хранили до обнаружения взрывного устройства правоохранительными органами». Так было или не было

обнаружено взрывное устройство? Если было, то одно или несколько? Следователи явно не в ладах с логикой.

Логике не ночевала и в утверждении, что переговоры между предполагаемыми преступниками предусматривали конспиративное или жаргонное именование взрывчатки «шашлыком». В то же время, в описании события преступления фигурирует реальный шашлык. Этот шашлык в день взрыва предполагаемые преступники привезли на дачу, поджарили и съели. По логике следователей, они должны были получить отравление от веществ, применяемых при изготовлении взрывчатки.

Из обвинительного заключения следует, что Власов и Клевачев находились под наблюдением следствия. Прослушивание домашнего номера телефона Клевачева от 19.06.05 дало в руки следствию следующие «факты»:

«Во втором разговоре обсуждается взрыв поезда Грозный — Москва. При этом, Михаил высказывает мнение о том, что Лужков устроил фирменный поезд, на котором в Москву приезжают лечиться лица кавказской национальности, их развозят по клиникам Москвы, лечат бесплатно. Миша высказывает мысль о том, что «... его пустили под откос вместе с уродами... это приятная новость...». Новость о взрыве поезда, Миша назвал «хорошей», сокрушался о том, что об этом событии средства массовой информации быстро забыли. Из третьего разговора между Мишей и Маргаритой так же следует, что «...эта сволочь уничтожила систему здравоохранения, лечиться им негде..., тут его встречали машины скорой помощи, всю эту погонь развозили по больницам и бесплатно лечили», «во вторник исполнялась 10 годовщина, когда они захватили Буденовск, роддом там, женщин русских беременных они вешали, в общем-то ... и как раз его пустили под откос», «...там большее количество, половина боевики, приезжают сюда, в общем-то, и он чисто чеченский...».

Каким образом все это может доказывать участие в подготовке взрыва? По здравому размышлению, никаким. Подобный разговор между собой могли вести сотни не причастных к взрыву лиц, которые без трепета относились к чеченским боевикам и массовому переселению чеченцев в Москву. Но следствие посчитало частные оценки доказательной основой для своих обвинений. Не проанализировав множество других разговоров, которые в течение прослушивания вели подозреваемые между собой с другими лицами.

Что верно, так это то, что среди свидетелей (опрошены все пассажиры и служащие поезда) чеченцы составляют не менее 90%. Славянских фамилий обвинение указывает всего лишь до десятка. Если бы не взрыв, мы бы сомневались, для кого организован этот поезд.

Замечательны фрагменты обвинительного заключения о неких собачьих волосах, прилипших к изолянту, предположительно использованной во взрывном устройстве:

«Волосы происходят от вида собака домашняя - млекопитающего отряда Хищные, семейство Собаки, рода Волки и Собаки. Волосы отделены от первичной субстанции (тело животного) путем натяжения (быстрые и медленные разрывы). Все волосы натуральные и происходят непосредственно из шерстного покрова животного».

И далее: *«...все объекты представленные на исследование являются волосами животного и принадлежат собаке домашней - млекопитающему отряду Хищные семейству Собаки, рода Волки и Собаки. Объекты, изъятые со скруток проводов с места происшествия, имеют общую групповую принадлежность и вероятно происходят из шерстного покрова рыжей собаки, образцы шерсти которой изъятые при обыске. Объекты №2 и №3 волос изъятых со скруток проводов с места происшествия (из заключения эксперта 1792/12) имеют лишь*

общую групповую принадлежность с образцами шерсти черно-белой собаки, изъятыми при обыске и волос со щетки, изъятой при обыске».

И вот эта собачья чушь (в прямом смысле слова) считается доказательством вины!

Меня особенно умиляют такие обороты в обвинительном заключении: «с целью совершения терроризма», «реализуя умысел на совершение терроризма», «совершив терроризм». Или другой перл: «обнаружены две переговорные радиостанции, предназначенными для ведения переговоров». Следователи были также явно не в ладах с русским языком. Читаешь текст обвинения и видишь сплошную чушь!

Приписанный следствием мотив гласит, что преступники намеревались оказать воздействие на принятие решений органами власти по вопросу обеспечения лечения жителям Чеченской республики в лечебных учреждениях города Москвы. Вот что из этого выйдет:

«Так, Магомадовой З.Х. причинен кровоподтек в левой поясничной области спины, компрессионный перелом тела первого поясничного позвонка, что оценивается как средней тяжести вред здоровью, Дакаевой М.Ш. причинен ушиб грудного отдела позвоночника, который не подлежит судебно — медицинской оценке, несовершеннолетнему Алиеву Н.Н. причинен ушиб правого коленного сустава, посттравматический синовит правого коленного сустава, ушиб и растяжение связок левого коленного и голеностопного суставов, растяжение связок правого голеностопного сустава, которые расцениваются как легкий вред здоровью, Исхажиевой Ф.М. причинена закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга, ушиб мягких тканей пояснично-крестцовой области, ушиб мягких тканей правой кисти, которые относятся к категории легкого вреда здоровью, Алиеву Н.А., несовершеннолетнему Алиеву А.Н., несовершеннолетним Магомадовым Милане и Минате причинен моральный вред».

Как указано в самом заключении, повреждения не имеют признаков опасности для жизни, вызвали кратковременное расстройство здоровья и относятся к категории легкого или (в единичных случаях) среднего вреда здоровью, а диагноз «ушиб грудного отдела позвоночника» является клиническим понятием и не подлежит судебно-медицинской оценке, так как не подтвержден объективными морфологическими данными.

И где же здесь хотя бы какое-то приближение к инкриминируемой цели? А вот где:

«Желаемые Власовым и Клевачевым М.М. тяжкие последствия в виде смерти двух и более лиц не наступили по независящим от них обстоятельствам, а именно по причине своевременного применения экстренного торможения машинистом поезда, а также наличия вдоль железнодорожного пути линии электропередач, столбы которой послужили опорой для накренившихся вагонов и не позволили им упасть».

Получается, что если бы злоумышленники намеревались плевком остановить поезд, и это у них не получилось, крушение не состоялось бы по независящим от них обстоятельствам. И за плевков можно было бы сажать на большие сроки.

В действительности, следствие ничем не подтвердило мотив преступления, который, якобы, предусматривал прекращение лечения чеченцев в Москве. О том, что подозреваемые стремились именно к этому или могли к этому стремиться, не было представлено ни одного аргумента или доказательства – ни публикаций, ни материалов, свидетельствующих, что этот вопрос подследственными обсуждался. Скорее всего, речь идет о все той же истерии. Большинство пострадавших – чеченцы, значит, нужен античеченский мотив. А что чеченцы могли делать в Москве, куда направлялись состав за составом? Лечиться! Но в материалах дела – прямо обратная картина. Лишь два глухонемых ребенка, действительно, ехали на лечение. Остальные «в гости», «к дяде»,

«для работы на рынке» и т.д. При этом опрошенные пассажиры во всех случаях говорили, что адресов своих родственников не помнят. Куда же они ехали? Уж конечно не для того, чтобы быть чем-то полезными Москве и москвичам.

Имитационный характер следствия проявился также в том, что оно не установило место закладки взрывчатого устройства. По обвинению получалось, что «возле 374 столба». Может быть, имитаторы хотели взорвать столб? Занятно, что на экспертизу был отправлен не фрагмент рельса, отколовшийся в момент взрыва и оставшийся на насыпи, а некий другой рельс, откопанный на огороде в 300 метрах от места взрыва. И без экспертизы было ясно, что взрыв был осуществлен от цепочки тротильных шашек, размещенных на боковой поверхности рельса. Свидетель, кадровый офицер, показал, что на месте взрыва чувствовал запах тротила. Но эту версию следствие не желало отрабатывать, поскольку не имело никаких данных о хоть каких-то следах тротила на вещах подозреваемых. Лишь на каком-то старом противогазе были найдены его следовые количества. Но применение противогаса для создания взрывчатого устройства из штатных ВВ – верх нелепости!

Чтобы сделать свою версию более правдоподобной, следствие пыталось доказать, что взрывчатое вещество было смесевым. Тогда обнаруженные у подсудимых химреактивы можно было «притянуть за уши»: мол, из них могли быть изготовлены необходимые составы. Но между «могли» и «были изготовлены» – огромная дистанция. Смесевые ВВ требуют сложного оборудования, которого не нашли. А все изъятые вещества – либо старье (вроде изъятой у Власова еще детского изготовления трубки-поджиги), либо запрещенные компоненты (аммиачная селитра – удобрение, пикриновая кислота – краситель и т.п.), либо элементы пиротехники, за изготовление которых уголовного преследования не полагается.

Никаких доказательств, что Клевачев во время своего пребывания в Сербии освоил взрывное дело и получил навыки проведения диверсий, следствие не представило. Телефонные фантазии Клевачева о состоявшемся взрыве и массе погибших от него чеченских боевиков были лишь плодом его не совсем здорового художественного творчества (он, действительно, писал книги). Нездоровье Клевачева было очевидным на всех стадиях следствия и суда. Что человек сам себе писал донесения о мнимых террористических актах – достаточное тому свидетельство. А тяжелое ранение в голову, полученное в Сербии, представляет собой причину, откуда могли появляться такие фантазии.

Следствие само себя завело в тупик, предполагая, что Клевачев после взрыва смог преодолеть за 7 минут 6 километров. Сначала незаметно для себя следствие сочло, что это пешая дистанция. Потом, понимая, что даже рекордсмену-бегуну такая скорость недоступна, в дело был привлечен велосипед. Что у него одно колесо было повреждено, а другое спущено, никого не волновало. Что накануне подозреваемые пытались чинить колесо велосипеда в шиномонтаже (что совсем не свидетельствовало о тщательности подготовки к преступлению и скрытности действий) – тоже. Что велосипед был маленький – почти детский, и ехать на нем взрослому мужчине с грузом – дело невозможное, было проигнорировано. Что никаких следов велосипеда у места взрыва обнаружить не удалось, судья пропустила мимо ушей.

При честном ведении судебного процесса дело развалилось бы мгновенно. Да разве нелепости могут быть опровергнуты ангажированным судом?

Что изымало следствие для доказательства вины – особый разговор. Здесь произвол и русофобия следствия проявляются в чистом виде.

У Клевачева изымают камуфлированную одежду, нашивку с эмблемой «Черная сотня», православная патриотическая газета «Черная сотня», всероссийская газета «За русское дело», газета «Русский порядок», газета «Я — русский», брошюра «Очнись Россия и встань», «листы с печатным текстом, который имеет содержание “смерть жидам...”» (такова лексика заключения), лист с текстом: «Слава России. К Вам

обращается руководство партизанского отряда “Смерть жидам и черножопым”, в то время пока Вы и Вам подобные газетенки занимаетесь пустой болтовней, мы действуем.... Политрук партизанского отряда “Смерть жидам и черножопым” комиссар Лютый, по поручению штаба партизанского движения Московской области», листы с текстом, начинающимся словами «семейно-родовая стратегия — путь к коренным изменениям социальной политики государства...», футболка с надписью «Русские! Мы вымираем и теряем земли. Русским русскую власть, русских убивают! Русских унижают! Объединяйтесь! Вместе мы сила! Недра России принадлежать коренным народом России, а не иноземному вору. Русские рынки русским!», ксерокопия брошюры «Учебный циркуляр армии США. Мины. Мины-ловушки патриотических сил южного Вьетнама и принципы их применения» и т.п. Ну и литература «националистического содержания», «брошюры националистического содержания»...

У Власова изъяты книги: А.Я. Аврех: «Масоны и революция»; «Оккультный мессия и его рейх»; Н.Маширо «Запрещенные приемы самообороны», Ю.Воробьевский «Русский голем», Б.Миронов «О необходимости национального восстания»; В.Острцов «Черная сотня и красная сотня», Н.Шахмогонов «Кто Вы, товарищ Сталин, партийный вождь или офицер разведки? Политическое завещание Сталина»; Р.В.Бычков «Необыкновенный фашизм»; Д. Стефан «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925-1945»; С.Воропаев, А.Егазаров «Энциклопедия третьего рейха»; Э.Лимонов «Другая Россия. Очертание будущего»; Э.Лимонов. «Моя политическая биография», Э. Лимонов «Контрольный выстрел», Э. Лимонов «Русское психо»; А.Тарас «Рукопашный бой. Смерш»; Ю. Козенков «Схватка за власть», а также газета «Русская правда», в которой опубликованы статья с заголовками «Открытое письмо Президенту России от Русского национального движения», «Зачем нам Азербайджанцы?», «Сколько русских осталось в Москве», а также компакт-диски с файлами, содержащими эмблемы с надписями «Русское обозрение. За Русь святую, За великую Россию», «Русский партизан» и текстовые файлы А.Макеев. «Да — смерть! (наш рецепт спасения России)», А.Елисеев «Орден святорусских богатырей», «Партизаны Европы», «Поквитаться с Америкой», «Чистота Веры, как чистота Крови».

Как все это может указать на преступление или его мотивы? Никак. Подобную литературу, разного рода файлы, обрывки текстов можно найти у любого интересующегося политикой русского человека, который может приобретать книги и сохранять тексты из интернета просто из любопытства. У следователей иное любопытство – избирательное. Они не вычленили в имуществе подозреваемых что-то существенно связанное с преступлением. Они гребут все подряд, что кажется им подозрительным. А подозрительным им кажется все, где есть нечто о русских, о войне, русском сопротивлении, православной вере. При этом никакой экспертизы текстов не последовало. Следствие смотрело только на обложки. Причем в основном книг, которые открыто и свободно продаются в магазинах.

Что касается нетекстовых вещдоков, то здесь следствие вело себя как грабитель, которому надо срочно бежать от преследования, и он хватает вещи из вывороченного на пол комода – все подряд. Изъятые вещдоки представляют собой произвольно собранные из разгромленных квартир подозреваемых вещи, которые к сути расследования не имеют никакого отношения.

Многочисленные экспертизы, проведенные по поручению следствия, не выявили ни одного признака, по которому можно было бы связать подсудимых и совершенное преступление. Следы грунта и растений на одежде и обуви не совпадают. Проволока, изолента и прочее на месте взрыва никак не связаны с подобными образцами, изъятыми по месту жительства подсудимых. Отпечатков пальцев никаких. Следов обуви или транспорта, принадлежавших подсудимым, у места преступления никаких. Не найдено ровным счетом ничего. Домыслы – вот основа выводов следствия.

Единственная зацепка следствия – телефонные звонки до и после взрыва, которыми по мобильным телефонам обменялись Власов и Клевачев. При этом в тот же период было множество подобных звонков других абонентов. Следствие исследовать эти звонки не собиралось, как будто зная, кто на самом деле имитировал взрыв поезда. Станным было также изъятие у подсудимых двух работающих радиостанций с радиусом действия в 5 км. При тщательной подготовке они бы использовали это оборудование, а не звонки с мобильных телефонов, которые фиксируются по времени и продолжительности, поскольку это связано с оплатой услуг связи.

По просьбе сестры Михаила Клевачева, отца Владимира Власова и его адвоката В.Прилепского я обращался к министру юстиции В.В.Устинову, указывая на недопустимое поведение судьи и издевательства над подсудимыми в местах заключения, что привело Клевачева к попытке самоубийства путем вскрытия вен. При этом «лечение» представляло собой доведение человека до состояния овоща. Ни Минюст, ни Генпрокуратура не собиралась создавать для подсудимых человеческие условия и фактически соучаствовали в истязаниях особо изощренными способами и склонении подсудимых к самооговору.

Судья Романова Т.А., ориентируясь на политическую конъюнктуру или указания посторонних лиц, всячески препятствовала работе коллегии присяжных, оказывая на нее давление с целью вынесения обвинительного вердикта. Дважды коллегия не была собрана ввиду недостаточной численности. Скорее всего, закулиса стремилась заранее определить позицию заседателей, и они отказывались от участия в процессе. В сентябре 2006 года коллегия была сформирована (12 человек основной состав и 9 человек дополнительный). Но за сентябрь-ноябрь резерв коллегии сократился с 9 до одного человек. Трое заседателей отказались от участия в процессе, остальные были лишены своего статуса по заявлениям прокурора, который полагал, что присяжные критически оценивают результаты предварительного следствия. 30 ноября коллегия приняла оправдательное решение и оформила его, то судья отказалась принять бумаги, объявив, что в них надо исправить некие ошибки. Указанные ошибки были исправлены, но судья вновь воспрепятствовала оглашению вердикта и перенесла его на следующий день. По справедливости вердикт должен был быть оглашен немедленно, а подсудимые сразу же за оглашением освобождены в зале суда.

Решение присяжных об оправдательном вердикте вынесено, но присяжным не дали его огласить. Таким образом, содержание подсудимых под стражей превратилось в противозаконное деяние, а судебный процесс – в постыдный фарс. Действия судьи и незримых провокаторов, сорвавших оправдание подсудимых, были противозаконны. Нет никаких сомнений, что суд находился под давлением со стороны властей и криминальных структур Чечни, решивших образцово наказать «русских террористов».

Конец ознакомительного фрагмента